

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ»
(РАНХиГС)

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ В ОБЩЕСТВЕННОМ
МНЕНИИ ФРАНЦИИ

Н.П. Таньшина

Научно-исследовательская лаборатория комплексных исторических исследований
государственного и муниципального управления, Школа актуальных гуманитарных
исследований, Главный научный сотрудник, ИОН, д.и.н., профессор,
<https://orcid.org/0000-0001-7373-592X>, tanshina-np@ranepa.ru

Москва 2021

Аннотация

Актуальность исследования. В современном мире отношение к Российской Федерации является весьма сложным и противоречивым. Это связано в том числе и с традиционным восприятием Западом России в контексте противопоставления Своей-Чужой, когда Россия зачастую воспринималась через «оптику превосходства», посредством бинарных оппозиций. Обращение к истокам этих процессов представляет несомненную актуальность.

Объектом исследования является восприятие России в общественном мнении Франции в XIX в. и образ России, сформировавшийся в общественном мнении Франции на протяжении XIX – XXI столетий.

Цель исследования: исследование исторических корней восприятия образа России в общественном мнении Франции и в кругах французских интеллектуалов на основе анализа работ французских авторов 1840-1880-х гг., и сопоставление этого образа с современными представлениями о России во французских интеллектуальных и политических кругах.

Исследование проводилось в 2021 г. в рамках научно-исследовательской работы РАНХиГС.

Метод или методология исследования: исследование предполагает использование методологии междисциплинарного синтеза, опирающаяся на классический исторический анализ. Изучение стереотипов взаимного восприятия и реконструкция «образа Другого» делают необходимым применение методологии имагологических исследований. Кроме того, изучение политической идеологии предусматривает применение методологии интеллектуальной истории и истории идей.

Результаты исследования: на примере анализа образа России, сформировавшегося в общественном мнении Франции в XIX – XX вв. предполагается:

- выявить основной круг авторов, писавших о России рассматриваемого периода, определить основной круг источников и провести их классификацию;
- исследовать работы о России, написанные в 1840-е гг., после публикации книги А. де Кюстина;
- проанализировать трансформацию взгляда на Россию накануне и в годы Крымской войны (1853-1856);
- изучить изменения в восприятии образа России после Крымской войны на фоне улучшения франко-русских отношений в годы, предшествовавшие заключению франко-русского союза.

Ключевые слова: стереотипы взаимного восприятия, имагология¹, Российская империя, Франция, образы другого, общественное мнение².

Abstract

Relevance of the study. The attitude towards the Russian Federation in the modern world is highly complex and contradictory. This is due, in part, to the traditional perception of Russia in the west in the context of the binary “Friend-or-Foe” juxtaposition. Studying the origins of these processes is undoubtedly relevant.

The object of the study is the perception of Russia in the public opinion of France in the XIX century, and the development of the image of Russia in the public opinion of France during the XIX - XXI centuries.

¹ междисциплинарная научная дисциплина о законах создания, функционирования и интерпретации образов «Других», «Чужих», инородных для воспринимающего объектов.

² состояние массового сознания, в котором выражается отношение (скрытое или явное) различных совокупностей людей, именуемых общественностью, к явлениям, событиям и фактам социальной действительности, затрагивающим их потребности и интересы.

The purpose of the study is to examine the historical roots of the perception of Russia in the public opinion of France and in the French intellectual circles, based on the analysis of the works of French authors of the 1840s-1880s, and to compare this image with modern ideas about Russia in the French intellectual and political circles.

The study was conducted in 2021 as part of the RANÉPA research work.

Research method or methodology: The research involves the use of an interdisciplinary synthesis methodology based on classical historical analysis. The study of stereotypes of mutual perception and the reconstruction of the “image of the Other” require applying the methodology of imagological research. In addition, the study of political ideology involves applying the methodology of intellectual history and the history of ideas.

The results of the study: using the example of the analysis of the image of Russia formed in the public opinion of France in the XIX - XX centuries, the authors attempt to:

- identify the main circle of authors writing about Russia in the period under review, to determine the main circle of sources and to classify them;
- study the works about Russia written in the 1840s, after the publication of the book by Astolphe de Custine;
- analyze the transformation of the view of Russia on the eve and during the Crimean War (1853-1856);
- study the changes in the perception of Russia after the Crimean War, given the improvement of Franco-Russian relations in the years preceding the conclusion of the Franco-Russian Union.

Keywords: stereotypes of mutual perception, imagology, the Russian Empire, France, images of the other, public opinion.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1 Образ России в представлениях французов в 1840-е годы.....	7
1.1 Путешествие по России полиглота и филолога Ксавье Мармье	7
1.2 Исследователь стран Севера, естествоиспытатель и писатель Л.-А. Леузон Ле Дюк.....	11
2 Трансформация образа России в годы Крымской войны.....	156
2.1 Боец идеологического фронта Леузон Ле Дюк и его образы России в годы Крымской войны	16
2.2 Русские романы Леузон Ле Дюка: «Иван»	2524
3 Изменение взгляда на Россию в годы франко-русского сближения после окончания франко-прусской войны	27
3.1 «Империя царей и русские» Анатоля Леруа-Болье: новый взгляд на Россию?	27
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	368
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	402

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования имеет как научный, так и практический характер, что связано с важностью изучаемых вопросов и необходимостью выяснения корней такого распространенного и актуального явления, как русофобия³. В современном мире отношение к Российской Федерации является весьма сложным и противоречивым. Это связано в том числе и с традиционным восприятием Запада России в контексте противопоставления Свой-Чужой, когда Россия зачастую воспринималась через "оптику превосходства", посредством бинарных оппозиций, когда все позитивное связывалось с западной цивилизацией, а весь негатив - с Россией как варварской, деспотичной страной, противостоящей и угрожающей западной цивилизации. Такой подход своими корнями уходит в XVI столетие, во времена путешествия С. Герберштейна, но мифы и стереотипы, сформированные тогда, перекочевали в последующие столетия и с успехом воспроизводятся вплоть до настоящего времени. Несомненную научную актуальность представляет также тот факт, что именно французские писатели, путешественники и общественные деятели стояли у истоков формирования "демонизированного" образа России. В рамках НИР предполагается проанализировать разноплановые работы французских авторов о России, написанные в 1840-1870 гг. Такие временные рамки объясняются тем, что именно в эти годы образ России претерпевает существенную эволюцию.

Кроме того, важность изучения этого периода объясняется также тем, что именно в XIX и начале XX веков русофобия как форма политической идеологии и способом политического манипулирования достигла своего апогея. И это было связано не только с якобы имевшей место угрозой России. XIX столетие явилось завершающей фазой в процессе модернизации западного общества, с присущим ему обострением социально-экономических конфликтов. Соответственно, в условиях, когда социальное неравенство усиливалось, что приводило к активизации рабочего движения и борьбе рабочих за свои права, нагнетание страха перед Россией вполне могло являться уловкой, применяемой властвующей экономической и политической элитой для переключения внимания своих собственных граждан с внутренних проблем на факторы внешней угрозы, якобы, исходящей от России.

Объектом исследования является образ России, формировавшийся в общественном мнении Франции на протяжении XIX – XXI столетий.

Цель исследования: исследование исторических корней восприятия образа России в общественном мнении Франции и в кругах французских интеллектуалов на основе анализа работ французских авторов 1840-1880-х гг., и сопоставление этого образа с современными представлениями о России во французских интеллектуальных и политических кругах.

Метод или методология исследования: исследование предполагает использование методологии междисциплинарного синтеза, опирающейся на классический исторический анализ; методологии междисциплинарного синтеза, опирающейся на классический исторический анализ. Изучение стереотипов взаимного восприятия и реконструкция «образа Другого» делают необходимым применение методологии имагологических исследований. Изучение политической идеологии предусматривает применение методологии интеллектуальной истории и истории идей. Работа с текстами предусматривает применение методологии контент-анализа при исследовании исторических документов, а также методов герменевтики при анализе и интерпретации текстов.

³ антирусские настроения, существовавшие в европейских политических кругах и в общественном мнении в рассматриваемый период;

Результаты исследования: на примере анализа образа России, сформировавшегося в общественном мнении Франции в XIX – XX вв., предполагается:

- Выявить основной круг авторов, писавших о России рассматриваемого периода, определить основной круг источников и провести их классификацию;
- исследовать работы о России, написанные в 1840-е гг., после публикации книги А. де Кюстина;
- проанализировать трансформацию взгляда на Россию накануне и в годы Крымской войны (1853-1856);
- изучить изменения в восприятии образа России после Крымской войны на фоне улучшения франко-русских отношений в годы, предшествовавшие заключению франко-русского союза;
- выявить соотношение между реальной Россией и Россией «воображаемой» в общественном мнении Франции и определить причины трансформации образа России в рассматриваемый период; соотнести представления французов о России XIX в. с восприятием современной России во Франции; определить механизмы формирования представлений о "Другом" и выявить факторы, влиявшие на восприятие образа России в общественном мнении Франции.

В ходе работы предполагается выявить исторические корни русофобии и восприятия России в общественном мнении Франции. Восприятие французами России зависело от двух факторов: как Франция сама себя ощущала, и каковы были ее ожидания от России. Соответственно, если сильная Франция испытывала к России по большей части презрение, к которому добавлялся страх, то Франция обескровленная изменила свой взгляд на Россию, стремясь найти в ней защиту от немецкой опасности. 1871 год нанес удар по негативному восприятию России, и начиная с этого времени русофобия, затронувшая самые широкие слои французского общества, не только уходит в прошлое, но заменяется чувством совершенно противоположным. Период после заключения франко-русского союза можно считать «золотым веком» в истории российско-французских отношений, который, к сожалению, закончился после Октябрьской революции 1917 г. Ш. Корбе в 1967 г. делал вывод о том, что с падение в России социалистического строя вернет Россию в семью «цивилизованных» народов. Советского Союза уже давно нет, однако отношение к России не изменилось, и современный взгляд на Россию не особо отличается от того, каким он был в XIX в.

Россия является важной темой и в современном медийном пространстве Франции, и, что характерно, восприятие нашей страны с позапрошлого столетия особенно не изменилось. В условиях непростой геополитической ситуации, в условиях антироссийских санкций образ России, существующий в медийном пространстве Франции, нельзя назвать позитивным. Скорее, он остается таким же амбивалентным, двойственным. И, что характерно, как и в XIX веке, этот образ находится в пространстве между русофобией и русофилией.

Современное восприятие России в общественном мнении Франции практически не отличается от того, каким было это восприятие в XIX столетии. Штампы и стереотипы остались те же: варварство, стремление к экспансии, тирания как форма власти, неспособность к демократии, нечестная игра, манипуляции, - все это приписывалось России в XIX в., и все это присутствует в современной политической риторике. В то же время, анализ французских СМИ показывает, что журналисты объективно оценивают причины русофобии и объясняют ее популярность в общественном мнении Франции. Анализ СМИ показывает, что негативный образ России является гораздо более востребованным, нежели позитивный.

1 Образ России в представлениях французов в 1840-е годы

1.1 Путешествие по России полиглота и филолога Ксавье Мармье

В 1842 г. в России побывал французский писатель и поэт, историк литературы, переводчик, журналист, путешественник, член Французской академии (1870) Ксавье де Мармье (1808—1892). Сейчас его имя, как и имена многих других его соотечественников-путешественников, в России почти неизвестно, но в XIX столетии Ксавье Мармье, как и виконт Арленкур, был весьма популярен среди российской знати как путешественник, знаток истории, культуры и литературы, а также переводчик.

Страсть к путешествиям им овладела с детства; однажды, в семилетнем возрасте, он сбежал из дома и отправился в странствие в сторону Швейцарии, правда, был благополучно возвращен родителями. Как путешественника, его влекло к северным землям; в составе северных экспедиций на борту корабля «*La Recherche*» («Исследование») он побывал в Исландии, Дании, Швеции, а потом добрался до Шпицбергена в составе экспедиций французского исследователя северных территорий Жозефа-Поля Гемара (1796—1858).

У Мармье были потрясающие способности к языкам, и перед поездкой в Россию он занялся изучением русского языка. В Петербурге он оказался, вероятно, в конце мая 1842 года. Побывал в Петербурге и Москве; вернулся в столицу и оттуда через Варшаву направился на родину. В России книга К. Мармье была немедленно запрещена. Давайте же выясним, что так возмутило императора Николая Павловича?

Книга написана в форме писем и каждое письмо адресовано разным людям. Чтобы понять, почему книга оказалась не по нраву императору Николаю, обратим внимание, например, на главу, посвященную дворянству, администрации и крепостному праву. Эта глава посвящена известному историку Жюлю Мишле, который, как известно, в 1860—1870-е годы писал резко критические статьи в адрес России. Начинается глава с заочного диалога с Адамом Гуровским, автором книги «Цивилизация и Россия», в которой тот поет дифирамбы российским властям. Адам Гуровский — никто иной, как брат Игнатия Гуровского, того самого поляка, за которого, по одной из версий, направился хлопотать в Россию Астольф де Кюстин. Адам Гуровский принимал участие в Польском восстании 1830—1831 годов; после его подавления, как и многие лидеры восставших поляков, обосновался в Париже, и, видимо, желая получить разрешение вернуться в Россию, начал писать в пророссийском духе, возлагая на Россию миссию панславизма. В итоге император Николай простил Гуровского и разрешил ему вернуться в Россию. Между тем, отмечает Мармье, просвещенная российская элита не могла серьезно воспринимать этот поток лести и панегирик императорской власти, причем не только власти Николая I. Так, по словам Мармье, Гуровский изобразил Петра I столь великим, что рядом с ним Карл Великий и Наполеон выглядят весьма посредственными правителями [7, 74].

Поэтому Ксавье Мармье, отталкиваясь от противного, попытался представить свою панораму российской действительности. Как он пишет, «мы не желаем ни льстить России, ни клеветать на нее, у нас нет никакого другого желания, кроме как сказать правду. Именно исходя из этого намерения мы и организовали наше исследование с опорой на оригинальные источники» [7, 77]. Это тоже общая черта

авторов, пишущих о России: как правило, все они сообщают исключительно правду о «стране царей» и исключительно по оригинальным источникам.

Начинает характеристику администрации Российской империи Ксавье Мармье с дворянства. Причем вначале в его описании все выглядит очень достойно, и читатель может подумать, что автору импонирует высшая российская знать. Поскольку Мармье — филолог и переводчик, он очень много внимания уделяет языку, слову, что очень правильно, ведь язык отражает национальный характер. Говорит о том, что родовитая знать, особенно московская, весьма гордится своим происхождением, предками, «своими анналами». При этом, по его словам, «любовь к генеалогии» распространена во всех классах общества, что выражается в культе предков и проявляется в именовании по имени-отчеству: «Вместо того, чтобы говорить: “князь Голицын”, “граф Шереметев”, говорят: “Иван Сергеевич” (Иван, сын Сергея), “Петр Николаевич” (Петр, сын Николая)» [7, 80-81].

Одним из важных качеств наследственного российского дворянства, отмечает Мармье, является его гостеприимство. По его словам, эта добродетель была унаследована от древних славян, и это в целом свойственно северным нациям: «Сколько раз в Петербурге и Москве, меня, простого иностранца, не имеющего официальной рекомендации (хотя рекомендации Мармье были и не нужны, его имя было известно читающей публике. — Н.Т.), принимали с такой приветливостью, что я вспоминал дни, проведенные в Швеции или Дании! (читатель еще познакомится с Л.-А. Леузон Ле Дюком, сообщавшим, что без рекомендательного письма и «знакомств» в России делать нечего. — Н.Т.). Это был такой же сердечный и щедрый прием» [7, 81]. Он даже приводит пословицу: «Красна изба не углами, а пирогами» (правда, у француза это звучит иначе, с первого взгляда и не понять), и отмечает, что все дворяне страны, старые и молодые, богатые и бедные, каждый день на практике подтверждают это народное изречение [7, 81-82]. Некоторые, как отмечает Мармье, гостеприимны просто с царским размахом. Он приводит в качестве примера такую историю: один владелец золотых и железных рудников Невьянска, что на Урале, каждый год выписывал своему управляющему сумму в 50 тыс. рублей для «представительских расходов», чтобы встречать путешественников, посещавших эти края. Сам он, может, никогда и не бывал в этих землях или посещал их очень редко, но всех иностранцев там гостеприимно встречали от его имени и дарили им замечательные сувениры [7, 82]. Имени гостеприимного хозяина Мармье не называет, но, возможно, речь идет о Павле Николаевиче Демидове, брате Анатолия Демидова.

В целом же, по мнению Мармье, «институт аристократии, реформированный Петром — самый либеральный и демократический из всех существующих [7, 90]. «Чиновничество рекрутируется во всех классах общества, в университетах и военных школах, в конторах и литературных кругах. Без сомнения, российская бюрократия является одной из самых умных и трудолюбивых из всех существующих» [7, 93].

Между тем, на деле все не так однозначно, потому что российская система управления поражена страшной болезнью: «К несчастью, русская администрация, прославленная именами достойнейших людей, воодушевленных страстным желанием нравственного прогресса и чувством патриотизма... является одной из самых продажных администраций, и, позволим себе это слово, одной из самых постыдных из когда-либо существовавших. Для нее коррупция — это не исключение из правил, это нормальное состояние. В русскую контору нельзя прийти без взятки в кармане; нельзя рассчитывать на должное решение дела, не дав денег на лапу... Продажность как яд отравляет все сферы управления, начиная от самых высоких чинов и заканчивая привратниками, открывающими двери». При этом, по словам Мармье, коррупция связана не просто с желанием чиновников обогатиться; она прочно укоренилась в нравах и даже в душе нации [7, 94-95].

Говоря о развитии российской промышленности, Мармье сообщает, что она совершает удивительный прогресс, однако и тут возникают препятствия: «Русские, с прекрасно развитым инстинктом подражания, с их особым трудолюбием, могли бы сделать еще большие успехи за короткое время, если бы не их господа. То, что русский рабочий хочет сделать, он сделает хорошо, а в силу своей привычки к экономии и умеренности, он может пойти дальше, чем кто-либо другой [7, 101].

Конечно, главный вопрос, волновавший Мармье, это крепостное право. Автор отмечает, что французы имеют очень смутные представления об институте крепостного права, сочувствуют судьбе крепостных и оценивают крепостничество с позиций современной Франции и ее либеральных порядков. По его словам, он не собирается выступать адвокатом крепостничества и не хочет изобразить русское общество, лишенное недостатков и дефектов; он лишь стремится искренне донести то, что видел своими собственными глазами или узнал из достоверных источников.

Он попытался взглянуть на эту проблему всесторонне, с позиций материальной и нравственной. Что касается материальной и социальной защищенности, то Мармье оценивает положение крепостных как весьма неплохое. Он пишет: «Мы потому не можем так сильно негодовать против русского крепостничества, что в наш век свободы, при нашем уровне цивилизации, в наших городах и на наших мануфактурах мы имеем самое ужасное, самое жалкое из всех видов крепостничества, а именно бедный пролетариат, изнемогающий и страдающий от множества моральных язв, незнакомых русскому крепостному» [7, 118-119].

Поэтому, отмечает Мармье, крестьяне очень неоднозначно относятся к идее отмены крепостного права. По его словам, «русские крепостные слышали разговоры об освобождении, но это великое слово часто их пугало, а не вызывало мысли о реализации их самого заветного желания» [7, 119]. Мармье сообщает, что, бывало, целые деревни крепостных отказывались от дарованной им свободы, потому что они чувствовали, что, обретя свободу, они лишатся заботы и покровительства своего барина. Например, он рассказывает, как один помещик хотел из-за долгов продать часть своих земель с крестьянами, и, собрав их на сход, сообщил об этом решении. И тогда крестьяне, не желая перейти к другому помещику, собрали необходимую сумму денег, двадцать тысяч рублей, чтобы их барин смог выплатить долг [7, 118-120]. Но, подчеркивает Мармье, если материальная жизнь крепостных вполне сносна, то никак нельзя примириться с чудовищным институтом крепостничества, при котором людьми торгуют, как скотом: «Очевидно, что такое положение не может продолжаться долго. Настанет день, когда русские крепостные, узнав о том, как крестьяне живут в других странах, восстанут против своего мерзкого состояния. Настанет день, когда русская нация сбросит с себя ярмо продажного и коррумпированного чиновничества <...> Ведь один из законов жизни заключается в том, что всякая коррупционная система носит в самой себе зародыш своей смерти [7, 120-121].

И Мармье делает вывод: «Таким образом, освобождение крепостных, последовательное формирование среднего класса, совершенствование нравов и административная реформа — таковы, как нам представляется, три важнейшие задачи, которые уже пустили корни в Российской империи и уже готовы к реализации, точно так же, как это происходит в жизни всех народов, живущих по заветам божьим и реализующих его заповеди» [7, 121-122].

И дальше следует замечательный пассаж о России как «царстве фасадов», где за внешним блеском скрываются серьезные недостатки. По словам Мармье, за границей имеют смутное представление о России: о ней судят по «казакам и когортам дипломатов, «в большинстве своем весьма искушенных». Однако на самом деле Россия совершенно иная, и «под широкими складками своей императорской мантии, под ложным блеском своих вельмож скрывает многочисленные и глубокие

проблемы»: отсутствие порядка в финансовой системе; запутанная в лабиринте противоречивых указов, зависящая от каприза влиятельного лица или продажности писаря судебная система, и, главное, «огромная пропасть между различными классами общества, когда самая утонченная цивилизация соседствует с самым глубоким невежеством, а либеральные начинания и просвещенные идеи XVIII столетия покрыты мраком варварских времен» [7, 123-124]. По словам Мармье, такой пропасти и такого контраста нет ни в одной другой стране и, «когда выйдешь за пределы этой помпезной администрации, то за оглушительным великолепием этой фальшивой маски увидишь моральную проказу чиновничества, а также недовольство самых благородных и самых просвещенных умов империи, равно как абсолютное невежество половины нации» [7, 124-125].

Поэтому, как и многие его соотечественники, как, например, Ф. Лакруа, с которым мы еще познакомимся, он делает вывод о том, что Россия — это колосс на глиняных ногах. Стоит увидеть ее вблизи, стоит взглянуть на реальную Россию, как вы поймете, что она не столь монструозна; более того, становится очевидным, что она разъедается болезнью изнутри: «Рано или поздно двадцать миллионов крепостных, которые только и умеют, что смиренно подчиняться закону, налагаемому на них в армии или в прихожих их господ, воспримут эти нравственные идеи, пробуждающие человеческую гордость, и тогда деспотическая власть, так долго порабоцавшая народ, не сможет больше держать его в состоянии пассивного подчинения» [7, 125].

Тем более, по словам Мармье, его активное изучение России, а также наблюдения и непосредственные разговоры с русскими позволили ему сделать вывод о том, что среди высших слоев общества нет никакой привязанности к царствующей фамилии, «императора боятся, но не любят». Николай, по словам Мармье, «своей негибимой волей подавляет дворянское недовольство и репрессиями пресекает всякое проявление оппозиции». Однако, делает вывод французский наблюдатель, при жизни императора Николая протест вряд ли разразится [7, 131].

В то же время, по словам Мармье, пружины власти так натянуты, ее «преступления» настолько очевидны, а либеральные идеи настолько глубоко проникли в сознание дворянской молодежи и самых влиятельных людей империи, что можно с уверенностью сказать, что со смертью императора Николая Павловича в России произойдут «или великие реформы, или великие потрясения» [7, 131]. Как видим, он не ошибался: при сыне Николая, императоре Александре II, Россию ждали Великие реформы.

Как ученого-филолога и переводчика, Ксавье Мармье интересовала русская культура, особенно фольклор и литература. Отдельный раздел книги он посвящает народным песням, и здесь — сплошная задушевность. Конечно, его интересует современная русская литература, и во время своего путешествия он познакомился с целым рядом русских литераторов, в том числе П.А. Плетневым, П.А. Вяземским, Н.В. Гоголем.

Говоря о современной русской литературе, он выделяет Пушкина, но как прозаика. Особенно он оценил его «Бориса Годунова», считая это произведение является превосходной исторической драмой. Несмотря на то, что по форме «Борис Годунов», по мнению Мармье, всего лишь «калька с театральных пьес Шекспира», Пушкину удалось придать своему произведению национальный колорит [7, 192].

Он также выделяет Гоголя и его комедию «Ревизор», отмечая успех этой постановки и подчеркивая, что власть не только проявила толерантность по отношению к ней, но, более того, ей покровительствовала. В целом он отмечает, что лучшие русские комедии носят сатирический оттенок и затрагивают сферу политики. Особо он выделяет Д.И. Фонвизина (в его написании «Von Wisin»), представившего в своей комедии «яркую критику системы образования и обучения юных

провинциальных дворян»; а также «Горе от ума» А.И. Грибоедова. Лучшим поэтом называет В.И. Жуковского, отмечая, что именно ему Россия обязана «замечательными подражаниями или переводами основных немецких и английских поэтов». Баснописца И.А. Крылова именует «патриархом русской литературы», а из поэтов выделяет Баратынского (хотя отмечает, что Пушкин талантливее его); автора трагедии «Ермак, или покорение Сибири» Камакова (Kamakoff) и приводит отрывок из этого произведения (хотя автором одноименного произведения является П.П. Свиньин, писатель, художник, историк, редактор и издатель «Отечественных записок»); сообщает, что сейчас публика читает Николая Языкова, Владимира Венедиктова, Дмитрия Веневитинова, князя П.А. Вяземского; называет и два женских имени: Каролину Павлову («г-жу Павлову из Москвы») и графиню Ростопчину. Проза, по его мнению, гораздо меньше развита в России. После Карамзина и Жуковского первые писатели, по его словам, это Муравьев, Батюшков, Загоскин, князь Одоевский и Булгарин [7, 193-200].

Подводя итог развитию литературы в России, Ксавье Мармье отмечает, что литература является «тем редким случаем, когда можно похвалить русское правительство». Конечно, продолжает он, власть ограничивает литературу действием цензуры, но всячески поощряет развитие литературы и науки в целом, организует научные экспедиции. Поэтому, по его словам, упреки российских властей в обскурантизме несправедливы [7, 202].

В обратный путь Ксавье Мармье отправился из Петербурга через Варшаву. Последняя глава так и называется, «Варшава», и посвящена исследователю северных земель Ж.-П. Гемару, с которым Мармье совершал плавания. Дорога Петербург-Варшава показалась Мармье превосходной; путь из одной столицы до другой, по его словам, можно было бы проделать за три дня, если бы не визирование паспорта и таможня, в результате чего на дорогу ушло «пять дней и пять ночей».

Вдоль дороги — унылый пейзаж, редкие деревни и убогие избы, и как контраст — почтовые станции, построенные по одному проекту. Особо путешественника поразили телеграф между Петербургом и Варшавой: «каждый день император знает все, что говорится и происходит в Варшаве, и диктует свою волю несчастной побежденной нации» [7, 213-215]. Даже описывая телеграф как техническое изобретение, Мармье не упускает возможности покритиковать российское самодержавие: «В землях, подчиненных абсолютной власти, произведения искусства и индустрии служат только интересам деспотизма. В то время как создателем их является народ, их потребителем является правитель, использующий эти изобретения для укрощения и наказания своих подданных» [7, 215-216].

То есть перед нами — научный труд, по содержанию — резко критический по отношению к России (кроме ее литературы и народных песен), как и книга Кюстина, но не имеющий ее скандально-пасквильного характера. Здесь нет лозунгов и пропагандистских призывов, это, в принципе, весьма уравновешенный научный труд. Поэтому книга Ксавье Мармье, несмотря на ее переиздания, широкому читателю вряд ли была особо интересна.

1.2 Исследователь стран Севера, естествоиспытатель и писатель Л.-А. Леузон Ле Дюк

Вот уж кто дал пищу для размышлений, заставил поломать голову, так это французский исследователь северных стран, ученый, переводчик Луи-Антуан Леузон Ле Дюк (1815—1889). Каких только работ о России он не написал: это и впечатления о путешествиях, и образцовые русофобские агитки «на злобу дня», которым позавидовал бы любой пропагандистский работник, и литературно-критические эссе,

и даже романы!

По словам французского филолога Шарля Корбе, восприятие французами (да и в целом иностранцами) России зависело от того, как Франция сама себя чувствовала, и что она ожидала от нашей страны [8, 11]. На примере произведений Леузон Ле Дюка эти метаморфозы восприятия прослеживаются весьма отчетливо. Он — как флюгер, и его описания России зависят от текущего политического момента. Поэтому Россия на страницах его произведений, на первый взгляд, — очень разная, причем даже в работах, написанных в одно и то же время, более того, даже в пространстве одного текста. Однако при более-менее внимательном прочтении видно, что его отношение к России неизменно, просто несколько варьируется степень неприятия, чуть больше, или чуть меньше.

Что еще характерно, Леузон Ле Дюк претендует на то, что знает Россию очень неплохо, при этом знает ее изнутри. По его собственным словам, в общей сложности он провел в России двенадцать лет и бывал в нашей стране четыре раза (в 1840, 1842, 1846—1847 и 1850—1851 годах). Давайте познакомимся ближе с таким совершенно многогранным героем.

Итак, Леузон Ле Дюк — французский путешественник, писатель, переводчик, издатель и публицист. Он родился 11 декабря 1815 года в Дижоне, в простой семье, его отец и дед были столярами. Однако для выходца из народа он сделал блестящую карьеру, как научную, так и административную, особенно с учетом того, что он стал вхож в высшие круги российской знати, у него появился доступ к важным документам, и французские власти поручали ему правительственные миссии.

В 1840 г. двадцатипятилетний Леузон Ле Дюк впервые оказался в Петербурге, «ради удовольствия», как он сам пишет в книге «Современная Россия»: «Я хотел своими собственными глазами увидеть Россию, о которой говорят прямо противоположные вещи» [9, 4]. Спустя два года он вернулся в нашу страну, став воспитателем детей в доме графа Владимира Алексеевича Мусина-Пушкина, сына первооткрывателя «Слова о полку Игореве», жившего тогда в Хельсинки. По его словам, он был очень счастлив в этой семье и в этом обществе; увлекся финским эпосом «Калевала» и решил перевести его на французский, для чего стал изучать финский и шведские языки. Не зная русского языка, он весьма вольно перевел на французский «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова.

В 1846 г. Леузон Ле Дюк вновь засобирался в путешествие, планируя продолжить изучение северных стран, а именно Швеции, Финляндии, Дании и России. Этим визитом решило воспользоваться французское правительство во главе с маршалом Николя Сультом (хотя реальным лидером был министр иностранных дел Франсуа Гизо) и поручило путешественнику особую миссию: раздобыть в России порфир для саркофага Наполеона. Выяснилось, что нужный камень есть только в России, в Карелии. Поэтому французские власти поручили уроженцу Дижона и поклоннику Наполеона Бонапарта (как видно из его работ) операцию по эксплуатации и транспортировке порфира.

Об этой экспедиции, продолжавшейся три года, мы знаем из целого ряда книг путешественника. Впервые рассказ об экспедиции за «русским порфиром» был опубликован Леузон Ле Дюком в 1853 г. в сборнике «Очерки по истории России и Северной Европы» [10]. В 1873 г. эта история была опубликована в виде небольшой брошюры под названием «Саркофаг Наполеона в Соборе Инвалидов» [11]. В 1886 г. этот же очерк был помещен в книгу «Воспоминания и впечатления от путешествий по странам Северной Европы: Швеции, Финляндии, Дании и России» (второе издание вышло спустя десять лет) [12].

Итак, какой увидел Россию Леузон Ле Дюк в 1846 г. и записал в 1853-м? В своем рассказе о путешествии за камнем для саркофага ничего плохого о России он не

написал, и в разные издания этой работы никаких изменений не вносил. Он весьма нейтрально описывает Россию, конечно, жалуясь на непроходимые дороги (а какие могут быть дороги в Карелии и на Ладого, в лесах и на озерах!) и бюрократию, в то же время, не забывая поблагодарить за помощь, оказанную ему императором Николаем, который, по выражению Леузон Ле Дюка, «сердечно ненавидел» короля Луи-Филиппа, но при этом с большим уважением относился к Наполеону Бонапарту. То есть книга — просто рассказ об экспедиции и впечатления от Карелии и ее жителей.

Порфир (хотя современные исследователи считают, что это был вовсе не порфир, а «метаморфизованный песчаник» и предпочитают использовать термин «шокшинский кварцит») сначала пытались добывать на острове Гогланд, на котором, как мы помним, в 1839 г. оказался виконт Арленкур. Для Леузон Ле Дюк это был не первый визит на этот замечательный остров: здесь он побывал во время своего прошлого путешествия, и тоже был заброшен туда бурей.

В «Очерках по истории России и Северной Европы» следом за рассказом об экспедиции за камнем для саркофага публикуется очерк о самом императоре под названием «Наполеон — лев пустыни» (первая часть книги называется «Наполеон на Севере» и состоит из двух очерков: «Могила Наполеона и Россия» и «Наполеон — лев пустыни»).

Вторая часть книги называется «Россия» и посвящена вопросам рекрутирования русской армии. Здесь нет никаких оценок и эмоций, только статистика, цифры и рубли. Заканчивается этот раздел рассказом «Надежда или московитская крепостная». Следующая часть книги посвящена описанию Швеции и Финляндии, а последняя под названием «Россия и Франция» — французским рукописям, находящимся в библиотеке Санкт-Петербурга, прежде всего, архиву Бастилии, вывезенному из Франции во время Революции русским дипломатом П.П. Дубровским, и знаменитой библиотеке Вольтера, выкупленной после смерти философа у его племянницы императрицей Екатериной II в 1778 г.

Интересно, что Леузон Ле Дюк первым из французов, благодаря знакомству с министром народного просвещения графом С.С. Уваровым, получил возможность ознакомиться с литературным наследием великого философа. В 1880 году он опубликовал так называемый «Le Sottisier» (сборник вздора) Вольтера, снабдив его своим предисловием [13].

С библиотекой Вольтера Леузон Ле Дюк, по его собственным словам, познакомился во время пребывания в Петербурге в 1847 и 1850 годах, когда он смог сделать несколько выписок из записной книжки Вольтера.

Что касается графа Уварова, то в 1848 году, сразу после революции 1848 года, в Париже была опубликована его книга «Политические и литературные эссе», а обширное предисловие к ней под названием «Биографический и критический очерк» написал Леузон Ле Дюк [14]. Что касается Леузон Ле Дюка, то в своем очерке, посвященном графу Уварову, он, как истинный француз, отмечая превосходство Франции в гуманитарных науках и изящной словесности (ведь, по его словам, каждый француз — писатель), и подчеркивая, что «французские романы, драмы, серьезные и легкомысленные книги имеют монополию на восхищение по всему миру», отмечал: «Из всех европейских наций русская нация лучше всех остальных понимает нашу литературу и стремится сыграть в ней свою роль» [14, 6]. (запомним этот момент, чтобы сравнить с тем, что он будет писать в дальнейшем!). Правда, продолжает он, леность духа зачастую парализует эти благие намерения, однако случай графа Уварова — особый.

Леузон Ле Дюк характеризует С.С. Уварова как «историка, философа, поэта, филолога, публициста, проявившего себя во всех жанрах литературного творчества и везде достигшего успеха. Никто больше, чем он, не упрочил свой талант своим

трудом». Далее француз отмечает, что с началом во Франции революции императрица Екатерина II гостеприимно приняла образованных, интеллектуально одаренных французских эмигрантов, и вскоре «вся империя заговорила по-французски», а «московитский гений обогатился гением французским». Правда, добавляет он, эти французские «сокровища» были должным образом восприняты только элитой, чернь же, воспринимавшая только то, что лежит на поверхности, «потеряв собственную национальность, попыталась ее заместить ложно понятой национальностью чужеземною» [14, 6-8]. Что касается графа Уварова, то он, впитав в себя французскую культуру и показав себя в этом смысле истинным французом, остался при всем при этом человеком своей страны [14, 8-9]. В целом, этот очерк о графе Уварове как об интеллектуале, глубоком знатоке философии и литературы, в том числе античной, свидетельствует о том, что и сам Леузон Ле Дюк был сведущ во всех этих областях; перед нами — весьма компетентный литературный и философский критик.

2 Трансформация образа России в годы Крымской войны

2.1 Боец идеологического фронта Леузон Ле Дюк и его образы России в годы Крымской войны

Итак, рассказ об экспедиции за порфиром был написан в 1853 г., то есть в очень сложное время в истории двусторонних отношений: в этом году началась Крымская война. Именно в годы Крымской войны во Франции появляется огромное количество русофобских работ, и Россия, демонизированная со времен публикации книги Кюстина, превращается в самую настоящую «империю зла», говоря языком XX столетия.

Леузон Ле Дюк был в первых рядах этой пропагандистской антирусской компании. В эти годы он написал книги: «Современная Россия» и «Русский вопрос» (1853), «Россия и европейская цивилизация» (1854). Последние из названных книг — это уже не рассказ о путешествиях, а откровенно русофобские работы, жесткая пропагандистская публицистика, созданная на потребу дня, можно сказать, добротные пособия по классической русофобии.

При этом, как подчеркивает Леузон Ле Дюк в предисловии к работе «Россия и европейская цивилизация», датированном 1 июня 1854 года, на написание книги его сподвигло только стремление рассказать правду о России и написать так, как ему диктует его совесть [15, I-II]. То есть — ничего личного, просто Россия — враг, с ней идет война, поэтому для ученой публики можно написать научную работу, или заметки о путешествии, а для широких слоев населения, зараженных антирусской риторикой и воинственной пропагандой, создать агитационный опус с одиозным образом врага.

При этом себя он позиционирует серьезным знатоком России, сообщая, что трижды выполнял в нашей стране правительственные миссии и встречался с официальными лицами, оказывавшими ему всяческое содействие. Однако Леузон Ле Дюк сообщает, что вся эта помощь — только лишь желание пустить пыль в глаза, и в этом искусстве русские весьма преуспели, более того, они умеют «позитивно маскировать» свою страну, то есть представлять ее в выгодном свете. То есть он развивает мысль Кюстина о том, что Россия — это «царство фасадов» и видимость, стремление скрыть реальную ситуацию: «Что такое империя русских? Имя ей — ложь» [15, 180].

Но он-то не лыком шит, он сумел разоблачить эту фальшь, этот обман, на который, по его словам, повелся уже знакомый нам виконт Арленкур. Когда тот был в Царском Селе, ему показали комнату Александра I, откуда он, якобы, направился в Таганрог, где, как известно, скоропостижно скончался. И в этой комнате на столе лежала книга Арленкура «Отшельник». Как пишет Леузон Ле Дюк, Арленкур «покинул Царское Село, убежденный, что последней мыслью Александра была мысль о нем», а русские, по его словам, еще «долго аплодировали этой шутке» [15, VI]. Арленкур, действительно, описывает этот случай, но о своих эмоциях не сообщает [16, 257]; за виконта домыслил заботливый Леузон Ле Дюк.

По его словам, чтобы иностранец не узнал ничего лишнего и увидел лишь то, что дозволено увидеть, к нему, конечно, из самых благих побуждений, приставят фельдъегеря, который будет сопровождать его на всем пути и уж точно покажет то, что следует показать. Правда, сообщает Леузон Ле Дюк, есть возможность избавиться от опеки фельдъегеря: его надо поить водкой на каждой почтовой станции, ведь какой же

русский не любит выпить!

При этом, как известно, рыба гниет с головы, а обман начинается на самом высоком уровне, и главным строителем «царства фасадов» является сам император. Например, Леузон Ле Дюк рассказывает, как в 1846 или 1847 году в Петербург из Берлина прибыла группа прусских офицеров с целью изучения опыта организации эскадронов гвардейской кавалерии. Император принял гостей в высшей степени любезно и сказал по-немецки сопровождавшему его офицеру: «Видишь этих господ? Их отправил сюда мой прусский брат с целью изучить наши эскадроны. Покажи им все, как братьям!» А потом обратился к нему уже по-русски: «Ты им все покажешь так, как должен показать!» И офицер, по словам Леузон Ле Дюка, все прекрасно понял [15, VIII].

Книга построена как хорошо продуманное пропагандистское пособие, как учебник по классической русофобии, где в каждой главе, а их много, описывается политическая, социальная и религиозно-нравственная картина жизни российского общества. Причем, как в настоящем учебнике, здесь присутствуют пункты плана, исходя из которых содержание становится предельно понятным. Так, первая глава называется «Самодержавие». Из перечня вопросов, освещаемых здесь, мы узнаем, что самодержавие — это антиевропейский институт, амальгама всех тираний, не имеющая аналогов в мире, и уже одного института самодержавия достаточно, чтобы создать пропасть между Россией и цивилизованной Европой. При Иване Грозном самодержавие оформляется в окончательном виде: «Нет больше спокойствия, нет безопасности, есть только смерть для всех» [15, 5, 9].

Петр Великий напрасно попытался превратить самодержавие в инструмент цивилизации: «Самодержавная власть может побрить мужиков и одеть их в европейские одежды, но не может вызвать процветание ума и расцвет разума». При Екатерине II власть стала еще более развращенной, и «самодержавие попало в публичный дом», а при Петре III и Павле I — в дом сумасшедший. Александр I — «галантный и мистический, он ошибался и мечтал, и так прошла его жизнь». Что касается императора Николая, то он вобрал в себе черты всех своих предшественников, но превзошел их в хитрости. Столь же жестокий и беспощадный, как Иван IV и Петр I, но более хладнокровный, сам уже головы топором не рубит, но жизнь человеческую абсолютно не ценит. Что еще важно, Николай I придал самодержавию милитаристский характер: «Невозможно сегодня представить самодержца иначе как в военном мундире и с саблей в руке. Вот идеал!» Поэтому, в то время как все другие державы мечтают о мире, Россия только и делает, что мечтает о войне и к ней готовится [15, 9, 273-274].

То есть Россия — «это варварское по своей сути государство, с невероятным постоянством играющее в цивилизацию». И далее начинается сеанс разоблачения: «Религия? Ее там нет: под роскошным покровом православия, в которое она драпируется, скрывается скептицизм, часто доходящий до атеизма, или, по крайней мере, до сухого безразличия. Патриотизм? Тут совсем не понимают этого чувства. Просвещение? Оно дало цветы, но они бесплодны. Общество говорит на всех языках, но то великое, прекрасное и возвышенное, что на этих языках было создано, русские игнорируют» [15, 224-225]. То есть Россия может быть по отношению к европейской цивилизации только «либо пародией, либо угрозой. <...> Россия — это трехголовое чудовище, отталкивающее от себя Европу, и имя трем головам: крепостное право, православие и самодержавие» [15, 264, 266].

А в примечаниях книги, без всяких комментариев, — так называемое «Завещание Петра Великого», — известная фальшивка, выдаваемая Леузон Ле Дюком за чистую монету: мы же помним, он всегда пишет только правду!

Особым нападкам Леузон Ле Дюк подвергает православную церковь, что и

неудивительно.

Наиболее отчетливо это проявилось в работе «Русский вопрос», написанной летом 1853 года, то есть буквально накануне Крымской войны. Работа состоит из трех частей: «Князь Меншиков», «Греко-русская церковь» и «Россия перед Европой» [17]. Эти нападки на церковь понятны, особенно с учетом того, что поводом к Крымской войне стал конфликт из-за покровительства Святым местам. Но здесь все гораздо серьезнее, поскольку мы имеем дело с истоками русофобии как таковой, а она своими корнями уходит в том числе в раскол церквей и принятие Русью христианства по восточному образцу. Правда, Леузон Ле Дюк полагает, что Русь приняла христианство по католическому образцу, ведь официально раскол церквей произошел только в 1054 году. Поэтому православная церковь для него — «это католическая церковь, доведенная до состояния окаменения» [17, 41-42]. Эти слова принадлежат католику-руссофобу Ж.-Б. Лакордеру, и Леузон Ле Дюк с ними полностью согласен.

Православная церковь, по словам Леузон Ле Дюка — это «мертвый институт»: «Если католическая церковь способствовала развитию цивилизации, протестантская — развитию мысли, то православная церковь все вокруг себя атрофирует. И дальше читатель видит потрясающий по своей пронизательности пассаж: «Куда идет этот мужик, куда идет этот торговец, куда идет этот служащий, которые, проходя мимо церкви, крестятся и машинально шепчут три или четыре слова молитвы? Один идет в свою контору обкрадывать императора, другой — за свой прилавок обкрадывать своих клиентов, третий — в кабак, напиться. Не существует никакой связи между обрядами православной церкви и добродетелью. Это — гимнастика, только и всего» [17, 47-48].

Но вот если мы посмотрим работу «Современная Россия» (первое издание — 1853-й, второе — 1854 год), то это совсем иная работа. Это настоящий справочник по России, с описанием самых разных аспектов жизни России и русского общества. Перечислю названия глав: Петербург, император Николай и его двор, императорская семья, администрация, общество, образование и литература, греко-русская церковь, помещики и крепостные, торговля и промышленность, военные и морские силы, полиция и иностранцы, и, как заключение — снова фальшивое завещание Петра Великого. Но это уже не пропагандистская работа, а спокойное повествование, в котором автор рассказывает, как он впервые прибыл в Россию в 1840 году и первое, с чем он познакомился — это с русской таможней, по его словам, «самой безобидной таможней в мире», хотя, как потом оказалось, только на первый взгляд [9,5]. Разместился в «*Hôtel de Paris*» и сообщил, что нет ничего хуже петербургских гостиниц: «Комнаты плохо запираются, обстановка неопрятная, насекомые, пыль, грязные мужики, слоняющиеся по коридорам, или спящие, завернувшись в свои тулупы — вот что такое эти гостиницы!» [9, 8]. Правда, он объясняет низкий уровень сервиса тем, что иностранцы все еще весьма редкие гости в России, и она только осваивает этот вид услуг, однако добавляет, что в Петербурге уже появились гостиницы, не уступающие по уровню обслуживания лучшим европейским отелям: «Наполеон», «Кулон» и «Принцы».

То есть это уже иная работа о России, системе власти, управления и императоре. Николая Леузон Ле Дюк впервые увидел на балу в Дворянском собрании и был поражен им: «Император Николай, вне всякого сомнения, самый красивый мужчина в своей империи, может быть, и в Европе. Он подобен, как отмечал один писатель, одновременно Аполлону и Юпитеру». По словам Леузон Ле Дюка, чтобы черты императора проявились полностью, его надо увидеть на военном параде или в ходе религиозной церемонии: тогда перед вами «идеальный самодержец» [9, 40-41]. Отмечая страсть Николая I к военному делу и военной форме, унаследованную, по словам француза, от императора Павла, он подчеркивает, что это не просто прихоть: «У Николая армейские привычки — не обычное бахвальство. Он ведет суровый, будто

походный образ жизни. <...> С самого утра, еще до рассвета, пока вся империя спит, император уже на ногах; накинув на плечи старую шинель, служащую ему домашним халатом, он готовит приказы, которые предстоит днем сообщить министрам. Он ест мало и просто, почти не пьет, спит, как и все русские, на матрасе из конского волоса. Он крайне трудолюбив: ничто не делается в империи без его контроля и его инициативы. Если он ошибается, то это не его личная ошибка, а порочность его администрации и следствие фатального характера самодержавной власти» [9, 41-42]. То есть Леузон Ле Дюк буквально теми же словами сообщает о том, о чем до него уже писали другие путешественники. Или приводит историю, описанную Ш. де Сен-Жюльеном, о встрече императора Николая с актером-французом (у Сен-Жюльена — это актер Верне, а тут — актер X) на Невском проспекте, после чего тот угодил в полицейский участок. То есть, вероятно, авторы пересказывают одни и те же услышанные или уже описанные анекдоты.

Леузон Ле Дюк, например, приводит такой анекдот. Император Николай, как известно, не курил сам и не выносил, чтобы курили в его присутствии, а на улицах курить было запрещено. И однажды император, прогуливаясь по своей привычке, инкогнито, по Петербургу, увидел, как из одного ресторана на Большой Морской вышел одетый по последней парижской моде господин, куривший сигару. Николай подошел к нему и вежливо сказал: «Вы знаете, что в Петербурге на улицах курить запрещено?» Тот поблагодарил, не догадываясь, кто перед ним, и готов был уже погасить сигару, как император продолжил: «Пока вы со мной, вы находитесь под моей защитой и вам ничего не грозит». Иностранец ответил, что, да, он слышал, что в России все делается по протекции, на что государь возразил, что дело не в протекции, а в желании лучше узнать человека, с которым планируют иметь дела. Так, разговаривая, они шли по улице, и вдруг иностранец начал замечать в витринах магазинов эстампы и картины с изображением императора. Сначала он подумал, что его случайный попутчик просто похож на Николая, но когда прохожие на улице стали вежливо раскланиваться, а в самом конце Морской улицы, в одной из витрин, он увидел портрет императора в полный рост, то понял, с кем вел разговор. «Неужели я имел честь говорить с его величеством императором Николаем? — воскликнул потрясенный собеседник. — Так и есть, — ответил Николай, но не переживайте <...> Я всего лишь призываю вас в следующий раз быть осторожнее с сигарой, поскольку император Николай не всегда сможет вам покровительствовать». Вернувшись во дворец, император приказать начальнику полиции оказывать этому французу всяческое содействие при возникновении каких-либо проблем. И когда спустя несколько недель этот француз, после успешно проведенных переговоров, покинул Петербург, он везде прославлял имя «своего друга императора Николая» [9, 44-47]. Что характерно, Леузон Ле Дюк здесь ни слова не сказал об умении русских пускать пыль в глаза, особенно иностранцам.

Рассуждая о характере императора Николая, он отметил, что есть разные мнения относительно его физической храбрости. Якобы, говорят, что, когда он гневается, у него дрожат мышцы лица. Но, задает риторический вопрос Леузон Ле Дюк, разве у великих полководцев не дрожит тело, когда они ведут войско в атаку?

По его словам, истинная храбрость Николая проявляется в конкретных поступках. Например, он упоминает о восстании декабристов, отмечая, что произошел бунт, не представлявший серьезной опасности и рассеявшийся после нескольких ударов пушки. Но, продолжает он, нельзя утверждать, что это не представляло опасности для императора: «Если русским царям не стоит опасаться народного протеста, то они могут стать, как известно, жертвами дворцовых убийц. Но Николай вернулся во дворец: его твердая решительность, его высшая воля доминировали надо всеми: он победил. Разве это не храбрость?» [9, 49-50].

Или, например, он говорит о мужестве императора Николая во время разразившейся в Петербурге эпидемии холеры и бунте на Сенной площади. Об этом же рассказывает виконт Арленкур, и они отмечают одно и то же: когда Николаю сообщили о бунте, и он один на дрожках примчался на площадь, ему потребовалось только крикнуть разгневанной толпе, что они хотят погубить невинных, а на самом деле холера послана за грехи, а потом громовым голосом рыкнуть: «На колени!», как люди пали ниц [9, 51-52].

При этом, отмечает Леузон Ле Дюк, император Николай, обладающий неограниченной властью, очень чувствителен к тому, что он нем говорят и думают за границей. Он читает газеты, особенно французские, с большим беспокойством. Ему важно, что пишут именно в газетах, поскольку, в отличие от книг, они мгновенно распродаются тысячами экземпляров. Лишь для одной книги Николай делает исключение — книги Астольфа де Кюстина, которая, по словам Леузон Ле Дюка, «поразила Николая в самое сердце, и эта рана еще долго будет кровоточить» [9, 52-53].

При этом, подчеркивает француз, император Николай не только внимателен к тому, что пишут иностранные газеты, он пытается влиять на их публикации. Правда, добавляет Леузон Ле Дюк, трудно утверждать, будто та или иная европейская газета финансируется русским правительством. Но, сообщает он, в начале 1850-х годов, после подавления восстания в Венгрии, в Германию был послан высокопоставленный чиновник, которого Леузон Ле Дюк встретил в пути, и все указывало на то, что он успешно выполнил именно такую миссию [9, 53-54].

При этом, отмечает Леузон Ле Дюк, из всех западных держав императора Николая больше всего волновала Франция. И дело не только в недоверии к королю Луи-Филиппу. По словам путешественника, император Николай ненавидит Францию за ее фривольность, легкомысленность, однако высшая степень воспитанности заставляет его делать вид, что все это вовсе не так.

В своей же стране император Николай, сообщает французский путешественник, пользуется не просто колоссальным авторитетом среди своих подданных, они его боготворят: «В глазах русского народа император — это не просто повелитель, это отец и Бог» [9, 54-56]. Путешественник рассказывает, как однажды в дороге он остановился передохнуть в крестьянском доме. Стены были увешаны картинками, на которых были изображены члены императорской семьи. Портрет императора был на почетном месте, в красном углу, рядом с иконами. И перед этим портретом каждую субботу и по праздникам зажигали лампаду. Кстати, Генрих Гейне наблюдал подобную ситуацию в крестьянских домах во Франции той поры: только там на почетном месте было изображение, а, по сути, икона, императора Наполеона.

Или Леузон Ле Дюк повествует, как в феврале 1847 года он следовал по дороге из Петербурга в Варшаву, направляясь в Париж, с «правительственными депешами». Дорога была прекрасная, лошади делали по шесть — шесть с половиной лье в час. Но на одной почтовой станции ему дали плохого форейтора, и лошади стали плестись, несмотря на все крики француза («Ступай! Ступай!», — кричал он по-русски) и увещевания, что у него есть паспорт и он очень спешит.

Тогда на следующей Леузон Ле Дюк пожаловался на него и показал свой паспорт начальнику станции. Тот, увидев императорскую печать, упал на колени и поцеловал печать. Потом позвал жену, очень красивую польку, и она проделала то же самое. После чего он набросился на форейтора с кулаками и приказал строго-настроено везти путешественника с ветерком. С этого момента лошади несли так быстро, что у француза, по его словам, захватывало дух.

При этом, как и многие иностранцы, Леузон Ле Дюк отмечал, что в гневе Николай был страшен и никого не щадил: «Адмирал мог быть разжалован в матросы,

генерал — в солдаты» [9, 58-60].

Система управления в России — это, конечно, прежде всего, государь. Но есть еще и администрация. И, «если из всех европейских государств русская империя управляется лучше и энергичнее всех, то администрация в ней самая жалкая» [9, 124].

В России нет общественной жизни; иностранцу приходится очень трудно, если у него нет рекомендательных писем, а русскому просто невозможно устроить свою жизнь, если у него нет «знакомств» (или протекции). Еще, по его словам, русским присуща просто мания хвастовства и бахвальства, хотя, скорее, речь идет о другом. Русские, отмечает Леузон Ле Дюк, при встрече с вами будут выражать немыслимый восторг, будут пожимать вам руку, даже обнимать и говорить, что они безумно счастливы вашему визиту. Он рассказывает о случае с одним генералом, которому он был представлен, и тот тотчас же начал расточать любезности и уверять путешественника, что встреча с ним — просто мечта всей его жизни. Генерал показал ему свой дом, познакомил с домашними, и всякий раз его глаза будто бы говорили: «Это все для вас!» В тот же день он пригласил Леузон Ле Дюка на ужин; за столом комплименты возобновились с новой силой и через полчаса беседы генерал, по словам путешественника, был с ним «в такой степени приятельства, которая во Франции возможна только через долгие годы общения». Поскольку Леузон Ле Дюк намеревался провести еще некоторое время в Петербурге, генерал заявил, что он должен непременно обедать только у него, и он желает его видеть не менее четырех раз в неделю! И, вероятно, чтобы француз не смог отказаться, заявил, что у него имеется погреб с превосходными винами, которые путешественник может дегустировать до того момента, пока не найдет себе вино по вкусу. На втором обеде генерал исполнил обещанное, на третьем притворился глухим, на четвертом просто молчал. Тогда француз сам напомнил ему об обещанном, и бутылка Бордо тут же появилась на столе. Но, француз, понимая, что было бы неудобно каждый раз разыгрывать эту комедию, решил ограничиться теми напитками, которые предлагались всем гостям, а именно квасом, пивом и хересом, «представленными на каждом московитском застолье» [9, 144-145]. Потом, по словам Леузон Де Дюка, он узнал, что «этот генерал, так неуклюже разыгрывавший роль цивилизованного человека, нещадно колотил своих солдат, грабил своих служащих и обворовывал правительство» [9, 145-146].

То есть с русскими надо быть постоянно начеку и упаси вас Бог быть вежливыми с ними! Будучи по своей природе рабами, они, «несмотря на элегантный вид, ничего не поймут в ваших сантиментах, или, скорее, примут их за услужливость... Хотите заслужить уважение русского? Будьте холодны, даже высокомерны, и тогда вы будете в его глазах птицей высокого полета. Это печально, но это так» [9, 146].

Леузон Ле Дюк, считая себя глубоким знатоком русского народа и русского характера, подчеркивает, что французы не имеют никакого представления о русских, поскольку судят о них по тем представителям русского общества, которые являются завсегдатаями французских салонов, которые принаровились к французским нравам, принципам, образу жизни. Поэтому, чтобы узнать русских, надо «оказаться в их домашнем святилище, пожить их жизнью...» И вот тогда «сначала вы почувствуете непонятное неудобство, глухой дискомфорт, потом придут обида, разочарование, наконец, настанет день, когда вы вырветесь из плена обольщения этих надушенных вельмож, бросив им в лицо ужасный приговор: «Вы — варвары!» [9, 146-147].

При этом Леузон Ле Дюк регулярно подчеркивает, что он «слишком долго жил с русскими», «слишком много с ними контактировал», поэтому он имеет право их судить. По крайней мере, дополняет он, такое впечатление оставили те, с кем он общался. Один «благородный финн» сказал ему однажды: «Вот уже тридцать лет, как я в России, и у меня здесь нет ни одного друга». И, основываясь на суждении этого

человека, Леузон Ле Дюк делает вывод о русских как таковых: «В действительности, “друг” — это понятие, неизвестное русским. Такого слова даже нет в их языке, есть только слово “знакомый”. Если вы встретите иностранца, который захочет обосноваться в России, знайте, что это если только по делу. Но, дело сделано, — и он бегом отсюда, к другим берегам» [9, 147]. Правда, добавляет путешественник-психолог, нельзя абсолютизировать это наблюдение, и в России, впрочем, как и везде, есть благородные исключения, и его собственная память хранит воспоминания об очень достойных людях. Но, продолжает он, разве исключения не подтверждают правило? Поэтому лучшее средство не испытывать разочарования от русских заключается в том, чтобы избегать близкого общения с ними и встречаться только в салонах [9, 148]. Хотя, мы же понимаем, что всё в салоне — лишь пыль в глаза и видимость.

Как и Кюстина, в салонах его особо привлекают русские дамы. И он пишет не о внешнем блеске, а об образованности салонных красавиц: «Если у кого в России и есть понимание нашей цивилизации, то это у женщин! <...> Русские дамы говорят на нашем языке с невероятной чистотой; они даже претендуют на некую новую оригинальность языка по причине особой мелодичности речи, присущей только им <...> Они очень сведущи в нашей литературе. Все наши авторы им известны. В их будуарах можно услышать имена, до которых не доходило перо наших критиков, и которых мы мало знаем». В целом, без них жизнь была бы монотонной, женщины делают ее интересной и разнообразной. Ведь о чем можно говорить в русских салонах? Вопрос сложный. О науках? Это скучно. Об искусстве? Это очень специальная тема. О политике? О, ужас! О литературе? Но могут возникнуть аллюзии! Тогда мужчины сдаются, и только дамы не теряют бодрости духа и спасают ситуацию [9, 149-151].

Он описывает все стороны жизни, в том числе систему образования. Россию, по его словам, нельзя даже сравнивать с другими странами Европы в плане интеллектуального развития и просвещения: «Исключая сорок миллионов крепостных (здесь он почти вдвое преувеличивает: согласно переписи населения 1857—1859 годов в крепостной зависимости находилось 23,1 млн человек. — *Н.Т.*), прозябающих в ужасающем, я бы сказал, тотальном невежестве, благородные или привилегированные классы обладают образованием поверхностным и неполным. Наука здесь — удел редких индивидуальностей». Хотя дальше он отмечает, что со времени восшествия на престол династии Романовых в плане развития просвещения Россия сделала большие успехи. Но дальше он сравнивает Россию с другими странами, и показывает, как все плохо: если в России обучается от 350 до 400 тыс. детей, то в маленькой Польше — 84 584. Конечно, он забывает уточнить, что это Россия Польше и обеспечила. Или приводит в пример Норвегию: там население 1 млн 350 тыс., а в школу ходят 180 тыс. детей [9, 176-177].

По его словам, было очень странным решением назначить на пост министра народного просвещения графа Уварова: этот человек, начинавший карьеру в Европе, среди либерально мыслящих интеллектуалов, европейски образованный, должен внедрять в жизнь консервативные идеи Николая I, ориентированные, говоря современным языком, на импортозамещение: использовать своих профессоров и обучать только практическим вещам [9, 179]. Правда, отмечает Леузон Ле Дюк, изначально идея была совсем иная. Рассуждая о знаменитой триаде «православие, самодержавие, народность», он пишет: «Казалась бы, что может быть проще и безобиднее? Религия, царь, родина — вот смысл этих терминов. Но позвольте эмбриону развиваться, как не замедлит появиться чудовище, и через несколько лет православие превратится в отсутствие толерантности, самодержавие — в деспотизм, народность — в ненависть к иностранцам». Поэтому судьба неординарных личностей

в России, по его словам, всегда трагична, и приводит в качестве примера имена Пушкина, Лермонтова и Гоголя. В России, делает вывод Леузон Ле Дюк, «только тем дозволено жить, кто позволяет себя ломать» [9, 180-181].

Конечно, Леузон Ле Дюк вращался, прежде всего, в столичном обществе. Но он совершал поездки, искал порфир в Карелии, по делам бывал в Ярославской губернии, то есть, по его словам, познал жизнь разных слоев населения, а не только придворного общества. Конечно, он глубоко изучил крестьянство, и пришел к выводу, что его главная черта — пьянство. Именно с рассказа о русском пьянстве и начинается повествование о российских крестьянах. Точнее, с описания жатвы. А жатва — это не только время сбора урожая, это время праздников, а значит и пьянства, «и нет ничего более забавного и умильного, чем пьяные русские крестьяне». По словам Леузон Ле Дюка, пьяный русский крестьянин — это такой естественный человек (вероятно, в духе Ж.-Ж. Руссо), смешной и благодушный. И упаси вас Бог советовать помещику запретить пьянство в его землях: «Он так рад благодати, царствующей благодаря пьянству, что, далекий от мысли о том, чтобы чинить пьянству препятствия, он ему всячески благоприятствует». Потом, как отмечает француз, пьянство крестьян выгодно и властям: на землях помещиков правительство содержит кабаки, приносящие ему существенный доход [9, 281-282].

Дальше он начинает сгущать краски, чтобы читатель не подумал, что жизнь крестьян — сплошной праздник: «Вот я тут написал про то, что жизнь помещиков и крепостных забавна, и меня могут заподозрить в тайной симпатии к московитскому рабству. Ничего подобного! Я рассказал только часть того, что видел, сейчас расскажу об остальном». И, рассказывает, что хоть императрица Екатерина и повелела запретить употреблять слово «холоп», но суть осталась прежней, и даже, как отмечает путешественник, изучавший филологию, это ярко проявляется в языке. Например, цивилизованный француз сказал бы: «*подать прошение*», а у русских, — «*бить челом*»; или, русский крепостной никогда не скажет помещику: «*поешьте*» или «*поспите*», а «*не изволите ли кушать?*», «*не изволите ли почивать?*» [9, 289-290].

Леузон Ле Дюк, филолог и историк по образованию, тему крепостного права раскрывает как раз через пословицы. Например, он приводит такую: «*Суди меня Бог и государь!*», что, по его мнению, символизирует «высшую степень самоотречения и самопожертвования». Или «*Без вины виноватые*» — «какое возвышение произвола, какой сервилизм подчинения!» Или еще: «*До Бога высоко, до царя далеко*», «*За одного битого двух небитых дают*», «*Хорошо птичке в золотой клетке, но лучше на зеленой ветке*». Не ощущается ли в этих пословицах, задается вопросом путешественник, «мрачное присутствие кнута и палок, брутальная покорность и меланхолическое стремление к свободе?» По его словам, он, знавший русских помещиков и живший в их среде, был свидетелем помещичьего произвола и может привести сотню тому примеров, однако, что его самого удивило, постепенно он привык к такому порядку вещей [9, 291, 293].

Конечно, жизнь крестьян он больше знал в теории, читая работы как своих соотечественников (он ссылается на книги Жермена де Ланьи, Ксавье Мармье), так и русских авторов, прежде всего, книгу «Россия и русские» эмигранта Н. Тургенева [18].

Положение крепостных крестьян, в просторечье — «*мужиков*», почти равноценно положению американских негров, живущих под властью плантаторов: «Перед русским законом крепостной — это ничто, абсолютное ничто, ничто ему не принадлежит, он сам есть вещь своего хозяина, он ничем не владеет и ничто не может назвать своим именем. Такое законодательство создает почву для самых чудовищных злоупотреблений» [9, 294-295].

Крепостник же всегда действует в соответствии с пословицей «За одного битого двух небитых дают», и сила палки такова, что есть в России помещичьи земли,

где истязания превратились в норму. А о том, что такое палка и кнут, он рассказывает словами своего соотечественника, главного специалиста по российскому кнуту, автора одноименной книги Жермена де Ланьи, с которым мы еще познакомимся [9, 301].

С подачи Николая Тургенева Леузон Ле Дюк говорит о том, что крепостным в России может быть только русский по национальности: «Феномен, на который не обращали должного внимания, но который должен быть внимательно проанализирован, заключается в том, что в России крепостным может быть исключительно русский. Только на русских распространяется этот варварский институт!» [9, 312-313].

И, по сути, словами Жермена де Ланьи он пишет: «Поскольку ему ничто не принадлежит, поскольку он свободен от всего, он не держится ни за что: ни за свою жену, ни за дочь, которая, по прихоти хозяина должна его услаждать; ни за свое поле, которое по капризу помещика может быть присоединено к его владениям; ни за свою страну, где он родился лишь для того, чтобы страдать (запомним этот пассаж, потому что в другой работе Леузон Ле Дюк будет писать прямо противоположное. — *Н.Т.*). В его душе — полное смятение, он не понимает, что такое хорошо и что такое плохо; он не отличает порок от добродетели; патриотизм и семья для него только пустые слова. Мы знаем, что в 1812 году большинство русских крепостных, еще хранивших в себе частицы священного огня, обратили все свои взоры к французам, умоляя их помочь им сбросить их ярмо» [9, 318-319]. Интересно, что бы сказали об этом русские крестьяне?

Далее Леузон Ле Дюк сообщает, что есть, однако, русские, пытающиеся оправдать систему крепостничества, доходя до его апологетики (будто в Америке не была выпестована целая плеяда идеологов рабовладения, достаточно назвать имена Джона Кэлхуна и Джорджа Фитцхью). «Наши крепостные, — говорят они, — в материальном плане счастливы; их существование обеспечено, они сами и их семьи освобождены от всяких забот. Какая им беда от плохого урожая? Они знают, что барин не позволит им умереть с голоду, поскольку закон обязывает его обеспечивать все крестьянские нужды. Чего им опасаться? <...> Как это отличается от положения рабочих классов за границей! <...> В сто раз лучше быть крепостным в России, чем свободным и бедным в других странах» [9, 319-320].

Он отмечает, что русское правительство, особенно император Николай, безусловно, понимают всю сложность ситуации, а для государя это настоящая душевная боль. Леузон Ле Дюк сообщает, что в 1842 году император даже полагал, что освобождение крестьян скоро произойдет, однако дворянство приняло все инициативы в штыки: «дворянство держится за свои права и привилегии; отнять у него крестьян, значит отнять у него душу. Поэтому они говорят: «Это очень деликатный вопрос, его надо всесторонне изучить, русский крестьянин слишком бескультурный, слишком дикий, он не дорос до свободы, он будет ею злоупотреблять» [9, 322]. При этом, по словам Леузон Ле Дюка, русские дворяне, понимая, что освобождение крестьян неизбежно, и ожидая этого, абсолютно ничего не делали, чтобы подготовить своих крепостных к освобождению, при этом заявляя, будто освобождение крестьян является их заветным желанием: «Представляется, напротив, они делают все возможное для того, чтобы это освобождение не состоялось. Те, кто несколько лет назад открыли школы на своих землях, их частично закрыли. Одним словом, русский крепостной прогрессирует в оупении» [9, 323].

Поэтому нечего полагаться на бояр в «великом деле эмансипации». Только правительство может эффективно реализовать освобождение крестьян. По словам Леузон Ле Дюка, правительство время от времени принимает меры, благодаря которым несколько сотен крепостных получили свободу, однако, утверждает он, эти меры только берегут раны вместо того, чтобы их залечивать. И лишь полное освобождение

крестьян может освободить Россию от упреков в варварстве, бросаемых ей прямо в лицо. И только этой ценой она может вновь занять легитимное место среди великих европейских наций [9, 323-324].

То есть Россия, если избавится от дикого института крепостничества, все-таки сможет стать одной из «великих европейских наций». Конечно, эта работа Леузон Ле Дюка — критическая, но это совсем другая книга о России, нежели «Русский вопрос» и «Россия и европейская цивилизация». Конечно, это взгляд цивилизованного человека, более того, это взгляд француза, убежденного в своем превосходстве и снисходительно оценивающего диких варваров. Но этот взгляд вовсе не злобный и не ожесточенный. Создается ощущение, что Леузон Ле Дюк писал свои работы для разной публики. Или у него были разные заказчики...

2.2 Русские романы Леузон Ле Дюка: «Иван»

Крымская война окончилась, и отношения между Россией и Францией начали быстро восстанавливаться. И нужно было подретушировать монстроподобный образ России, или даже его очеловечить. И многогранный Леузон Ле Дюк находит в закромах своей памяти новые впечатления о России. В 1859 г. он публикует роман «Иван». В центре повествования — судьба крепостного Ивана, музыкально одаренного юношу, играющего на рожке. Добрый помещик, князь Полотцов, отпустил его на три года в Петербург с рекомендательными письмами к графу Абащеву, взявшего молодого талантливое крестьянина под свою протекцию и вырастившего из него настоящего музыканта! У Ивана появилась и возлюбленная, Маша Николаевна (именно *Маша Николаевна*, ведь Леузон Ле Дюк прекрасный знаток России!) Мадемуазель Буслаефф, или Буслаева — девушка из благородной, но обедневшей семьи. Мать умерла при родах и воспитывал девочку отец, отдавший дочь в Смольный институт благородных девиц. И вот Иван возвращается из путешествия по Европе, а старый князь Полотцов спешит из Ярославля в столицу, дабы дать ему вольную, но, по законам жанра, по дороге попадает в бурю и погибает. И тут на сцену выходит злой помещик: наследником старого князя становится его племянник князь Михаил, brutальный вояка, который никогда не даст вольную Ивану и не допустит его женитьбы на Маше Николаевне. Но в итоге все заканчивается счастливо: Маша находит в Своде законов Российской империи указ императора Александра I, по которому в случае, если выпускница Смольного института выходит замуж за крепостного, он тут же обретает свободу. Николай I назначает Ивана управляющим Императорской Певческой капеллы, а счастливые новобрачные едут в свадебное путешествие в Европу. Такого указа, конечно, не было, но суть здесь не в этом: спустя пять лет после публикации своих русофобских работ, Леузон Ле Дюк превратился если не в русофила, то явно в человека, сострадающего и симпатизирующего России.

Да, в России есть крепостное право, но это скорее исторический фон, на котором разыгрывается мелодраматическая история совершенно в духе «Рабыни Изауры». Крепостной Иван — воплощение лучших черт русского народа. Да, он с детства страдал от своего рабского состояния, но, благодаря доброму помещику и таланту, пробился, стал известным «музыкальным львом» Петербурга. Если в работах времен Крымской войны Леузон Ле Дюк заявлял, что патриотизм — это качество, незнакомое русским («Патриотизм! Россия совсем не понимает этого чувства!»), то теперь он утверждает прямо противоположное: «Любовь к отечеству, может быть, является определяющей чертой русских. Они любят родину как царицу, как мать, в этом есть что-то религиозное. В их глазах, в их языке — это не просто Россия, это Святая Русь» [19, 98]. И, что удивительно, эта любовь больше всего проявляется у крепостного, нежели у свободного человека: «Чем крепостной держится на этой земле? Домом, деревней, где он родился? Нет. Он знает, что в любой момент простой

каприз помещика может его всего этого лишить. Семей? Нет, малейшее происшествие может разрушить эти связи. Самим собой? Нет, разве крепостной себе принадлежит? Единственное, чего у него никто не может отнять — это его родину» [19, 99].

В роли же одного из главных злодеев — управляющий немец Садлер — понятно, напряженность во франко-немецких отношениях усиливалась. И если в работах времен Крымской войны самодержец — главный творец зла, и в целом «самодержавие годится только для зла», то теперь совсем другие злодеи. Самые несчастные — это жертвы мелких собственников или управляющих, вот таких немцев Садлеров. А взгляд царя, каким бы пронизательным он ни был, не мог проникнуть во все углы обширной империи и не мог знать, что там творится [19, 95]. То есть самодержец — это защитник, а ручное управление — благо.

3 Изменение взгляда на Россию в годы франко-русского сближения после окончания франко-прусской войны

3.1 «Империя царей и русские» Анатоля Леруа-Болье: новый взгляд на Россию?

«Журнальные войны», спровоцированные книгой Кюстина, в итоге вылились в самую настоящую войну, Крымскую, или Восточную (1853—1856). Однако после войны отношения между странами начали быстро восстанавливаться. Характерно, что изменение взгляда на Россию началось через литературу, когда благодаря усилиям Проспера Мериме наша страна стала объектом пристального и благожелательного внимания. Как писал Жорж Нива, «когда Запад жил сухим позитивизмом, появился русский роман», а «Россия многое дала Западу уже после смерти маркиза» [28, 210].

Но решающим моментом в трансформации взгляда на Россию стало поражение Франции во франко-прусской войне 1870—1871 гг. Как отмечал в конце 1960-х гг. французский исследователь Шарль Корбе, восприятие французами России зависело от двух факторов: как Франция сама себя ощущала, и каковы были ее ожидания от России [29, 11]. Соответственно, сильная Франция испытывала к России по большей части презрение, к которому добавлялся страх, но Франция, обескровленная войной, изменила свой взгляд на Россию, стремясь найти в ней защиту от немецкой угрозы. Поражение в войне нанесло удар по негативному восприятию России и, начиная с этого времени, русофобия, затронувшая самые широкие слои французского общества, в том числе и низы, не только уходит в прошлое, но сменяется чувством прямо противоположным. То есть политическая обстановка, германские военные угрозы — все это побуждало Францию искать союзника в лице России, и именно это привело к трансформации взгляда на нее и росту интереса к ней. Можно сказать, что любовь к России — это обратная сторона ненависти к Германии.

И даже огромный белый медведь, одиозный символ России, начинает восприниматься как покровитель и защитник француженки Марианны от немецкой опасности (Речь идет о карикатуре Адольфа Вилле, опубликованной в газете «Le Soleil» от 18 ноября 1893 г.). Дело шло к франко-русскому союзу и, если можно так сказать, «золотому веку» в истории русско-французских отношений. Именно тогда, в 1880-х гг., написал свою трехтомную книгу «Империя царей и русские» (другой перевод — «Царская империя и русские») известный французский социолог и публицист Анатолий Леруа-Болье (1842—1912). А. Леруа-Болье — французский публицист, сотрудник журнала «La Revue des deux mondes», получил степень профессора в парижской свободной школе Политических наук, член Французской академии (1887). Его деятельность и интеллектуальное наследие неизменно привлекают большое внимание исследователей, свидетельством чему является серьезная историография, анализ которой см., например, в диссертации К.А. Цыковой [30]. Три тома книги «Империя царей и русские» были опубликованы в 1881, 1882 и 1889 гг. Во Франции книга выдержала четыре издания и была переведена на немецкий и английский языки еще при жизни автора.

Его труды, прежде всего «Империю царей», как в зарубежной, так и в отечественной историографии считают идейной основой франко-русского союза, а его самого именуют французским славянофилом, исследователем, открывшим новый

взгляд на Россию и сформировавшим новое направление в россике.

Кроме того, исследователи традиционно противопоставляют книги Кюстина и Леруа-Болье, подчеркивая, что во Франции сформировалось два направления русистов: сторонники Кюстина и Леруа-Болье. Например, Жорж Нива писал: «Французские слависты делятся на два резко отличных типа: настольная книга одних — «Россия в 1839 году» Кюстина <...> другие предпочитают держать под рукой Леруа-Болье» [31, 73].

Согласна с Ж. Нива, так писавшем о методе Леруа-Болье и особенностях его подхода: «Верные умозаключения приобретаются не рывком, не при помощи игры парадоксами и растравливания личных обид, не злопамятностью (случай Кюстина), но терпением и трудом, основанным на твердых, но снисходительных убеждениях» [31, 73].

Однако так ли кардинально книга Леруа-Болье отличается от работ его предшественников? Действительно ли она содержит абсолютно новый взгляд на Россию и русских, и именно по этой причине стала популярной и читаемой? Только ли Леруа-Болье много путешествовал по России и изучал ее изнутри, причем в самых разных аспектах? Или дело в историческом моменте появления книги, в изменившемся отношении к России и изменившихся ожиданиях от России? Попытаемся в этом разобраться.

Если сравнить труд Леруа-Болье с предшествующей традицией, то, на мой взгляд, разрыв с ней не столь категоричен. Ведь и сам Леруа-Болье в предисловии к своей книге указывал, что опирался на работы своих предшественников или авторов, писавших параллельно с ним, отмечая работы А. Гакстгаузена, Ксавье Мармье, Молилари, Л.-А. Леузон Ле Дюка, А. Рамбо, Л. Леже и многих других исследователей [25, VII-VIII].

Кроме того, его взгляды формировались под влиянием идей А. Токвиля, И. Тэна и Ж. Мишле. Многие из этих авторов совсем симпатизировали России, взять того же конъюнктурного русофоба Леузон Ле Дюка, или даже осторожно-критичного Ксавье Мармье, или А. Токвиля с его противопоставлением России и Америки, не говоря уже о Ж. Мишле. То есть, даже стремясь к объективному и независимому взгляду, Леруа-Болье не мог не испытывать влияния прочитанного, и это отчетливо проявляется на страницах его книги.

Конечно, работа Леруа-Болье — это уже не собрание анекдотов и забавных историй о России, какими изобилуют книги В. д' Арленкура, Ф. Лакруа, Ж. де Ланьи, Л.-А. Леузон Ле Дюка и в целом, многих, кто прежде писал о России, причем как в позитивном, так и негативном ключе, о чем речь шла в предыдущем разделе. Его подход отличает то, что он не только лично был знаком с представителями российской элиты (это было характерно и для его предшественников), он читал произведения российских общественных деятелей и историков, был знаком с концепциями и работами С.М. Соловьева, Д.И. Иловайского, Н.И. Костомарова, И.Е. Забелина, бегло владея русским языком, как книжным, так и разговорным, чем, по словам Жоржа Нива, заметно отличался от многих своих коллег, «пытавшихся ставить “диагноз” России, не зная при этом ни слова по-русски» [31, 70].

Леруа-Болье строил свою работу не только на знании работ своих соотечественников и российских авторов, он неоднократно бывал в России. Хотя еще со времен путешествий эпохи Ренессанса сложилось мнение, что вовсе не обязательно посещать страну изучения, поскольку лучше ее знает не тот, кто в ней побывал, а тот, кто ее лучше изучил. Леруа-Болье впервые посетил Россию в 1872 г. (он планировал свой визит в Россию в 1870 г., но он не состоялся по причине начавшейся франко-прусской войны) и неоднократно возвращался сюда (в предисловии к своей книге

отмечал, что до 1881 г. он побывал в России четыре раза) [25, V], а потом приезжал в Россию в 1905, 1906 и 1907 гг.

Конечно, это не было первое такое длительное пребывание в России. Например, граф Поль де Жюльвекур прожил в России семь лет (с 1833 по 1840 гг.) и даже женился на русской даме; барон Проспер де Барант, посол Франции в России, занимал свой пост с 1835 по 1841 гг.; дважды, в 1836 и 1842—1843 гг. бывал в России знаменитый художник Орас Верне; путешественник и исследователь Леузон Ле Дюк бывал в России многократно (в 1840, 1842, 1846—1847 и 1850—1851 гг.); литератор и журналист Шарль де Сен-Жюльен много лет работал в Санкт-Петербурге. И все они оставили свои работы о России, которую тоже весьма успели изучить. Другое дело, что русского языка, за редким исключением, они не знали.

Свой труд Леруа-Болье не писал быстро, наскоком. По его собственным словам, его книга — это плод десяти лет работы и четырех пребываний или путешествий по России [25, V]. Обычно работы писались по горячим следам, и публиковались сразу после путешествий. Исключение составляет книга Кюстина, которая увидела свет спустя четыре года после путешествия. Хотя изначально заметки о России публиковались Леруа-Болье в журнале *«la Revue des Deux Mondes»* («Обозрение двух миров»), книга не стала просто сборником этих статей; как отмечал сам автор, это совершенно переработанный материал, дополненный после новых визитов в Россию и общения, в том числе, с русскими [29, VI].

Как справедливо отмечал Шарль Корбе, все авторы писали о России так, будто никто до них ее не изучал и игнорировали достижения своих предшественников, поэтому каждое поколение начинало заново этот сизифов труд [31, 9]. И каждый автор подчеркивал, что до появления его книги Россию либо вовсе не знали, либо писали о ней сплошные небылицы. Это общее место, и таких примеров можно привести много.

Леруа-Болье, вслед за многими своими соотечественниками, заново открывает Россию для французского читателя, подчеркивая, что французы в целом не знают границу, и в этом заключается одна из важнейших ошибок Франции и одна из главных причин ее иллюзий. При этом он подчеркивает, что Франция должна изучать не только соседние государства, поскольку, как во времена античной Греции, «современная Европа формирует семью, члены которой, несмотря на существующие распри, живут вместе, сохраняя личную независимость» [25, 1].

Как и его предшественники, Леруа-Болье подчеркивает, что Россия, самое обширное государство Европы, насчитывающее больше всего жителей, известна меньше, чем мусульманский Восток и Новый Свет: «Расстояния больше не могут отделять Россию от нас, но нравы, учреждения, язык, — все это создает между ней и остальной Европой высокие стены, опирающиеся на религиозные или политические предрассудки» [25, 2].

Подчеркивая, что европейцы и французы плохо знали Россию, Леруа-Болье не без оснований отмечает, что тенденциозный и необъективный взгляд на Россию был связан с опасениями, вызванными ее активной внешней политикой: императора Николая I на Западе сравнивали с Аттилой, а русских — с гуннами, готовыми подчинить Европу. Поэтому российская политика, продолжает Леруа-Болье, вызывала «жалость к ее жертвам и влияла на наши суждения о России», на которую смотрели глазами поляков, и очень часто узнавали только по работам ее противников. А историк Жюль Мишле, убежденный защитник поляков и откровенный русофоб, написавший в начале 1850-х серию антироссийских статей, был историком, под влиянием идей которого, наряду с А. Токвилем и И. Тэнном, Леруа-Болье сформировался как исследователь.

Как и его предшественники, например, Жермен де Ланьи, автор книги «Кнут и русские», Леруа-Болье подчеркивает, что русские исследователи не могут написать

объективную национальную историю, хотя «любят говорить, что только они и могут писать о России. Мы им охотно позволили бы нарисовать свой портрет, если бы они могли представить свою страну с тем же усердием, искренностью, интересом, как мы этого хотим» [25, 2]. То есть иностранный взгляд объективнее, полагает Леруа-Болье, поскольку он не связан с «партийными взглядами и школьными теориями» [25, 2].

Начинает свое повествование Леруа-Болье с описания природно-географических условий, территорий, климата, рельефа местности, то есть в духе подхода Ш.-Л. Монтескье и многих других французов, писавших о России.

Как и предшественники, Леруа-Болье пытается ответить на главный вопрос: является ли Россия европейской страной? По этому вопросу ко времени написания книги Леруа-Болье во Франции сформировался целый спектр мнений. Например, Проспер де Барант, Нестор Консидеран считали Россию страной, вовсе не чуждой западной цивилизации и идущей по тому же пути, что и Европа, но со своей спецификой. Поль де Жюльвекур и Виктор д'Арленкур полагали, что именно за Россией, а не за Европой — будущее («будущее находится на берегах Невы», — писал Жюльвекур). Большинство же, например, Астольф де Кюстин, Орас Верне, Фредерик Лакруа, Жермен де Ланьи утверждали, что все в России — только видимость, и никогда она не приблизится к Европе и не приобщится к европейской цивилизации.

Позиция Леруа-Болье не столь однозначна. Да, Россия серьезно отличается от Европы, и многое ее от нее отделяло и отделяет. Но, в отличие от многих других исследователей, он пытается Россию понять и объяснить ее путь, выяснить, в чем причина ее отставания и инаковости. Согласно с мнением Ж. Нива, отмечавшего, что «тонкое и глубокое русофильство» Леруа-Болье «защищает Россию от слишком упрощенных взглядов на нее, распространенных на Западе: он опровергает тех, кто стремился навязать ей западные политические схемы» [31, 68-69]. До Леруа-Болье только редкие авторы, такие, как, например, П. де Барант и Н. Консидеран подчеркивали, что Россию нельзя подгонять под европейские стандарты и постоянно сравнивать с Европой.

Инаковость России Леруа-Болье объясняет, прежде всего, спецификой ее исторического развития. Сравнивая российскую историю с историей народов Европы, он именует ее «негативной», в том смысле, что «история России отличается от истории других европейских наций скорее тем, чего ей недостает, нежели тем, чем она владеет». Если для Кюстина Россия — «царство фасадов», то для Леруа-Болье — «царство лакун и пробелов». И лакуны в прошлом соотносятся с лакунами в настоящем, с лакунами в области культуры и даже в самом духе русского народа. «Эта пустота истории, это отсутствие традиций и национальных институтов у народа, который не смог заимствовать чужие традиции <...> мне представляется одной из причин негативных склонностей русской интеллигенции (именно этот термин он использует — *Н.Т.*), одной из отдаленных причин морального и политического нигилизма» [25, 236-237].

Московия, продолжает Леруа-Болье, не знала феодализма, который, с принципом взаимосвязи между службой и долгом формировал понятие права; она не знала рыцарства, а именно ему Запад обязан идеей чести, и именно в этом Монтескье, как отмечает исследователь, усматривал фундамент монархии и основу чувства собственного достоинства. Россия никогда не имела дворянства, а ее единственными рыцарями были казаки — «армии дезертиров и беглых крепостных, сообщество авантюристов наполовину христианских, наполовину пиратских, которым степь гарантировала дикую свободу» [25, 238].

Россия не имела ни коммун, ни хартий, ни буржуазии, ни третьего сословия. Новгород, Псков, Вятка, находящиеся на окраинах страны, являлись, по мнению Леруа-Болье, лишь исключением из правила, и этого было явно недостаточно для

развития страны. И даже городов, продолжает он, не было. В Московии, освободившейся от татарского ига, был только один город, резиденция князя, но эта столица была лишь огромной деревней, а сама Московия была «государством крестьян, сельской империей». Между тем, подчеркивает Леруа-Болье, без городов нет ни богатства, ни искусств, ни науки, ни политической жизни. Более того, нет самой цивилизации [25, 238]. Замечу, что все эти утверждения далеко не новы; эти же самые мысли развивал в своих «Заметках о России» посол Проспер де Барант, историк и знаток Средневековья.

Россия, как и европейские государства, отмечает Леруа-Болье, была централизованной монархией. Однако «она не имела ни одного из инструментов или институтов европейских монархий, парламентов и университетов, людей мантии и ученых. Она имела монархов, но никогда не имела двора. Закрытые в тереме, татарском или византийском гинеее, царицы и царевны позволяли царям хамство по отношению к своему полу (здесь он ссылается на историка Забелина. — *Н.Т.*). Московия не имела ни замков, ни дворцов. Кремль был лишь крепостью и монастырем, в котором низменные армейские удовольствия перемежались с утомительной чопорностью церковников» [25, 238].

В результате, по словам Леруа-Болье, сбросив татарское иго, Московия пробудилась в самом расцвете средневековья, однако «без крестовых походов и рыцарства, без трубадуров и труверов, без схоластиков и легистов, без всего этого у нее было лишь усеченное средневековье. Без Реформации, без Ренессанса, без Революции, ее новая история была еще более неполноценной. Она испытала только отдаленные последствия великих событий и великих эпох истории Европы XII — XVIII вв. Чем был бы народ Запада без всего этого?» [25, 239], — задается вопросом Леруа-Болье.

Поэтому, лишённая всего того, что наполняло историю западных наций, история России представляется Леруа-Болье «бедной, безжизненной и пустынной, как равнинные деревни Севера... Ни один народ не имел опыта такого ущербного, и в то же время, такого печального образования» [25, 240]. И дальше Леруа-Болье повторяет появившуюся еще во времена Сигизмунда Герберштейна и окончательно упроченную Кюстином мысль о том, что русские — нация имитаторов, способная лишь копировать, а не созидать. Русскому народу, по словам Леруа-Болье, было отказано в оригинальности, ему не хватало разнообразия. «Россия имела достаточно соседей и отношений с ними, чтобы всегда оставаться в состоянии имитации. Она последовательно прошла от нравственного ига Греции и татар, литовцев и поляков, чтобы закончить игом немецким или французским. Постоянно пребывая в состоянии интеллектуального вассалитета, копируя иностранные обычаи, идеи и моды, она была почти неспособна приспособить к себе чужие институты и сделать их национальными» [25, 239].

То есть, в этом отношении Леруа-Болье воспроизводит устоявшиеся клише: Россия — страна без истории, без прошлого, не знавшая ни Ренессанса, ни Реформации, ни великих потрясений Нового времени. Не способная к созиданию, она лишь копирует внешние элементы. Самая поразительная вещь в русской истории, по словам Леруа-Болье, — это ее «стерильность, крайняя бедность и бесплодность». Россия, несмотря на сложную судьбу и потрясения, «избежала великих религиозных или интеллектуальных движений, она не прошла через великие социальные или политические эпохи, которыми была отмечена бурная и насыщенная жизнь западных народов» [25, 236].

Однако Россия, по мнению Леруа-Болье, — это не только «страна пробелов», но и страна парадоксов, и это проявляется в ее историческом развитии: Россия — страна старая, но все в ней — новое. И далее он приводит слова Жозефа де Местра, по

его мнению, лучшего знатока России, который писал одному русскому: «У вас ничто не уважается, потому что ничего нет древнего». Эти слова, отмечает Леруа-Болье, потом повторил П. Я. Чаадаев: «Цивилизация рода человеческого нас не коснулась» [25, 238]. На мой взгляд, Чаадаев — сомнительный авторитет в деле объективного постижения русской души.

В другой части своей книги Леруа-Болье поясняет, что России все-таки имеет длительную историю, однако цепь ее национального существования дважды или трижды резко прерывалась. Поэтому «свою историю русский народ скорее терпит, нежели делает» [25, 196]. Русская история была скорее пассивной, нежели активной, в отличие от Запада, где свободно развивался национальный гений. То есть европейцы сами делали свою историю, русские же плыли по ходу течения, или просто терпели, не пытаясь переделать свою судьбу. В этом отношении, отмечает Леруа-Болье, Россия очень мало похожа на европейские нации; история просто «давит на плечи русского народа» [25, 196].

Как нация русские тоже находятся в стадии формирования (опять-таки, это общее место). Леруа-Болье даже сомневается в существовании русской нации как таковой, подчеркивая, что «единства почвы», то есть проживания на одной территории, недостаточно для того, чтобы обеспечить политическое единство; нужен материальный или моральный консенсус среди населения, некоторое родство крови и духа, без чего нет национального единства. В России, по его мнению, этого единства пока нет [25, 57]. Отсюда — некий незавершенный, импрессионистский портрет русской жизни и русской нации, набросок, который, по его собственным словам, делает Леруа-Болье. Русские напоминают ему актера, который должен выйти на сцену, не выучив своей роли, или человека, который, не получив образования в детстве, обязан постигать науки во взрослом состоянии [25, IX].

То есть если до Леруа-Болье, французы, имевшие скептический взгляд на Россию, как правило, просто утверждали, что Россия — страна варварская, дикая, не способная воспринимать европейские ценности, то Леруа-Болье стремится выяснить, почему Россия не пошла по пути европейской цивилизации? И он дает на этот вопрос следующий ответ: «татарское иго и борьба против Польши высосали все ее соки. Россия с ее вековой инерцией могла бы ответить на этот вопрос словами аббата де Сийеса, когда его спросили о том, что он делал во время Террора: “Я выживал”. Чтобы не быть уничтоженной монголами, ей нужно было долгое время притворяться мертвой. Все усилия Московии были направлены на сохранение национального тела. Как ребенок крепкого сложения, она вышла закаленной и ожесточенной испытаниями, которые должны были ее погубить. Но испытания, дав ей физическую силу, ограничили ее интеллектуальное развитие» [25, 241]. Таким образом, по мнению Леруа-Болье, катастрофически сложная историческая судьба направила все силы России на физическое выживание, поэтому ни на какие интеллектуальные достижения и даже просто развитие сил не хватило.

Монгольское нашествие Леруа-Болье с полным на то основанием считает водоразделом, отдалившим Русь от Европы, и именует это событие катастрофой, изменившей ход российской истории, когда к пагубному влиянию климата добавилось пагубное влияние истории: «Как и климат, история тоже ожесточает» [25, 221-223].

То есть нашествие и иго закалили русский народ, а, освободившись от ига, русские смогли пойти по пути европеизации: «Потрясенные игом, отмывшись от грязи и раблепия, сняв одежды и отказавшись от обычаев, принятых при экзотических хозяевах или учителях, Россия, славянские христиане, должны были постепенно стать европейцами» [25, 250].

Историю России, молодого государства и нации, Леруа-Болье, как и многие авторы, писавшие до него, начинает с Петра Великого, отмечая, что в XVII в. Россия

имела еще «рудиментарное, эмбриональное устройство» [25, 240-241].

Со времен Просвещения в Европе утверждается двойственный взгляд на преобразования Петра I. Если Вольтер заложил позитивный взгляд, то, по мнению Руссо, Петр слишком рано попытался цивилизовать не готовую к этому нацию. Леруа-Болье тоже ставит этот вопрос: «Могла ли западная цивилизация быть привита Петром Великим к московитской дикости, или, из-за отсутствия европейского сока, европейская цивилизация не могла привиться на чужом дереве?» [25, 250].

По мнению Леруа-Болье, несмотря на то что у Петра Великого не было исторических предшественников, его реформы не были чуждыми и искусственными, иначе бы они не прижились; дело Петра было обосновано всей логикой развития России: «Россия была слишком близка к Европе, она имела слишком много сходного с нами по крови и религии, чтобы не почувствовать однажды привлекательности нашей цивилизации» [25, 242-243]. (в этом усматривается традиционная «оптика превосходства». — *Н.Т.*).

Барьеры, который разломал Петр, по мнению Леруа-Болье, были хрупкими: «Эти традиции, эти привычки, которые он так внезапно разрушил, не имели ни в почве, ни в истории нерушимых корней» [25, 249]. Более того, продолжает исследователь, если дело Петра не умерло вместе с ним, то это потому, что оно являлось «естественным предназначением этого народа», и приводит слова Монтескье о том, что Петр I дал нравы и манеры Европы европейской нации [25, 249].

В то же время, на мой взгляд, взгляду Леруа-Болье присущи внутренние противоречия. С одной стороны, он утверждает, что допетровская Россия была чужда Европе, и ее история была абсолютна не похожа на историю Запада. С другой стороны, по его словам, традиции и порядки, разрушенные Петром, поддались потому, что не имели корней в обществе, а если нововведения прижились, значит, они имели глубинную основу и логично вытекали из предшествующей истории. Но при этом дальше Леруа-Болье развивает тезис Ж.-Ж. Руссо о том, что Петр слишком рано начал приобщать русских к цивилизации, а стремлением к заимствованиям привело к тому, что русские превратились в имитаторов. По мнению Леруа-Болье, Петр «толкнул русских на путь имитации, погасив у них дух инициативы, и отдал их от прогресса. Приучив их к тому, что за них думают другие, он отдал эту прерогативу иностранцам. Эта тенденция к имитации на столетие затормозила появление национальной самобытной литературы. Петербург, подчиняясь всевозможным влияниям Запада, послушно воспроизводя все самое противоположное, учась у энциклопедистов и французских эмигрантов, у Вольтера и Жозефа де Местра, от усталости или вялости слишком часто скатывался в бесплодный и неконструктивный скептицизм. Привычка к имитации соединилась с тягой к внешним проявлениям, с культом похожести» [25, 257].

При этом только высшие классы оказались пропитаны западными нравами и идеями; масса народа осталась невосприимчивой к ним. В результате, продолжает Леруа-Болье, Россия оказалась разделенной на два изолированных по языку и привычкам народа, неспособных друг друга понять: «Крупные города и дворянские усадьбы выглядели как иностранные колонии посреди деревень. Для огромного большинства нации готовность, с которой правящие классы бросились в сторону Запада, стала даже причиной отсталости. Народ, значительно отставший от своих хозяев, погряз в своем варварстве» [25, 258].

При этом «вся правительственная организация была искусственной и чуждой для народа. Большинство законов были экзотическими: они напоминали заимствованные одежды, не соответствующими ни размеру, ни привычкам нации» [25, 258], а «институты, импортированные из-за границы, не имеющие корней в стране, были помещены в неподготовленную для них почву. Если на Западе Новое время

базировалось на Средних веках, а каждое столетие на предыдущем, то в России весь политический каркас, как и сама цивилизация, не имели ни национальных основ, ни исторического фундамента» [25, 258]. То есть опять-таки, перед нами явные противоречия не в русской истории, а в суждениях автора книги «Империя царей».

Екатерина Великая, по мнению Леруа-Болье, была подлинной продолжательницей дела Петра (но в негативном смысле: «Она на него очень похожа — без морали, свободная от всяких добродетелей и качеств государственного деятеля» [25, 251]; в императоре Александре I, чувствовавшем себя Мессией и мечтавшем вылечить народ, воплотились все противоречия и надежды его эпохи, одной из самых бурных в истории; в личности императора Николая I «казалось, возродились старые московские цари, омолодившиеся и приглаженные на современный манер <...> Николай был олицетворением идеального самодержца. Он отклонял все изменения, а его идеалом была стабильность. Напуганный западными революциями, он изолировался от Европы» [25, 262].

И только при императоре Александре II (первый том книги «Империя царей» появился после убийства императора Александра II. Предисловие к нему датировано апрелем 1881 г.), подчеркивает исследователь, «двери империи снова были открыты, и, наконец, была проведена реформа, которая должна была примирить Россию как с самой собой, так и с Европой» [25, 262], имея в виду Крестьянскую реформу. Таким образом, «правление Александра II может быть рассмотрено как окончание длительного исторического цикла аристократических реформ». При этом, подчеркивает Леруа-Болье, Великие реформы императора Александра II не являлись просто «переоблицовкой фасада; были заменены и переделаны сами основы общества» [25, 265].

Итак, прошлое России мрачно и драматично. Однако, подчеркивает исследователь, если «русская почва была неподготовлена для того, чтобы служить колыбелью европейской культуры, но она замечательно пригодна для того, чтобы ею стать» [25, 57]. Отмечая, что если сегодня Россия кажется слабой по сравнению со странами Европы, то через столетие Европа будет не в состоянии с ней соперничать. И русские, по его словам, прекрасно понимают, что придет день, когда их мощь сравняется с их естественными ресурсами и размерами их территорий [25, 48]. То есть Россия — вовсе не колосс на глиняных ногах, как о том многие писали; и если прошлое России Леруа-Болье воспринимал в традиционном ключе, то относительно ее будущего был гораздо более оптимистичным.

Леруа-Болье отмечал, что России, как молодой, формирующейся нации, предстоит выполнить одновременно задачу и Европы, и Америки. В этом отношении взгляд Леруа-Болье во многом сходен с взглядом А. де Токвиля, а книгу Леруа-Болье не только противопоставляли книге Кюстина, но и считали неким аналогом работы Токвиля, только о России. Но если либерала-Токвиля самодержавная и недемократичная Россия пугала, то либерал Леруа-Болье такого страха не испытывал, да и настроения во Франции быстро менялись, и огромная по своим масштабам Россия воспринимались уже не как сила угрожающая, а как сила оборонительная и защищающая.

Итак, к каким же выводам приходит Леруа-Болье? Как он отвечает на один из принципиальных вопросов: «Россия принадлежит к Европе или Азии? Имеет ли она с нами общность цивилизационную, или чуждая по крови и образованию европейской семье, она обречена быть азиатским народом, прикрытым заимствованными европейскими одеждами?» [25, 57]. Если предшественники Леруа-Болье весьма четко и однозначно отвечали на этот вопрос: для одних Россия никогда не будет Европой, для других она идет по тому же пути, но со своей спецификой, то для Леруа-Болье анализирует дискуссии, происходившие в российском обществе, идет вслед за

спорами западников и славянофилов, но не дает категоричный ответ, а размышляет: «Размещенная между Европой и Азией, имеющая и ту, и другую кровь, Россия будто вышла из этого брака; но, морально или политически, чьей дочерью она является? В чем Россия европейская, в чем азиатская, а в чем просто славянская и русская? Подготовили ли века ее долгого детства к европейской жизни, или Россия формировалась в собственной культуре, оригинальной, сильно отличающейся от западной?» [25, 199] И далее приводит вопрос, поставленный Ю. Ф. Самариним: разница между Россией и Европой заключается в степени цивилизации или в самом факте ее наличия? [25, 199]

По мнению Леруа-Болье, монгольское нашествие и иго развело пути России и Европы; именно вследствие этого драматического события Русь пошла иным путем. Петр Великий попытался вернуть Россию в семью европейских народов, однако «в своей страсти навязать цивилизацию он был одновременно как варваром, так и великим человеком, как тираном, так и реформатором, а его метод противоречил его цели» [25, 248-249]. И только император Александр II, проведя Крестьянскую реформу, окончательно направил Россию по европейскому пути. Однако Россия — страна догоняющего развития, и ей только предстоит пройти свой путь приобщения к западным ценностям, а ее «пробелы» при правильном использовании западного опыта можно исправить. Хотя от тезиса о том, что Россия — это царство фасадов, лишь видимость, он тоже не отказывается, подчеркивая, что «в России, как хорошо известно, власть всегда много действует для создания имиджа, стремясь себя показать в лучшем свете» [25, XI]. Как писала отечественная исследовательница Т. В. Партаненко, Леруа-Болье «окончательно завершил начатую Вольтером линию позитивного восприятия России как страны молодой, нуждающейся в совершенствованиях и научениях со стороны Франции» [32, 34]. Тем более, что основа для такого восприятия России была подготовлена самой международной ситуацией, и именно она, на мой взгляд, способствовала такому интересу к книге Леруа-Болье: Россия для французов стала не просто интересной; ее поддержка стала для Франции жизненно необходимой.

Насколько выводы, сделанные Леруа-Болье были новаторскими? Действительно ли, как отмечала О.С. Данилова, «с появлением “Царской империи” европейская общественность наконец получила наиболее полную, добротную и интересно написанную книгу о самой сути жизни России, что позволило широко и по-новому взглянуть на эту страну, сломав предрассудки и заполнив многочисленные белые пятна в истории ее развития в глазах иностранцев» [33, 118]? В предыдущие годы в России побывало много французов, и много работ было написано ими о России. Зачастую они были либо прокюстинскими, резко обличительными, как, например, работы Ж. де Ланьи и Ф. Лакруа, либо идеализирующими российскую действительность, как, например, работы П. де Жюльвекура и В. д'Арленкура. Но были и работы вполне нейтральные, как, например, работы филолога Ксавье Мармье. Или книги исследователя северных земель Л.-А. Леузон Ле Дюка, написанные на любой вкус: как откровенно русофобские, так и более взвешенные. Эти авторы также изучали влияние климата и территории на характер народа, религию, крепостное право, императорскую власть и систему администрации, то есть, изучали примерно то же, что Леруа-Болье. Но все эти работы, написанные тоже ярко и интересно, быстро забывались, разве что, кроме книги А. де Кюстина. Это происходило потому, что Россия, несмотря на активную русофобскую риторику в Европе, не была основной темой во французском политическом дискурсе и общественной жизни. Как в своих записках времен Крымской войны отметил историк-славянофил М. П. Погодин, есть две Европы: Европа газет и журналов, падкая на антирусские статьи и зарабатывающая на русофобии, и Европа настоящая, думающая о своих делах,

процентах и акциях [34, 124], которую Россия интересовала примерно так же, как, например, Занзибар. То есть никак. Но после поражения в войне 1870—1871 гг. ситуация кардинально изменилась, изменился взгляд на Россию, и то, о чем писал Леруа-Болье, стало восприниматься иначе, поэтому его книга не просто оказалась востребованной, она рекомендовалась к изучению во всех учебных заведениях, где готовили будущих славистов [33, 118].

Авторы, изучающие творчество Леруа-Болье, подчеркивают, что со времени публикации его книги, именно по ней французы судят о России, подтверждением чему являются переиздания этой книги. На мой взгляд, книга А. Леруа-Болье, написанная на волне русско-французского сближения, отвечала настроениям и духу времени. Но после Октябрьской революции дружба окончилась, и взгляд на Россию снова переменился, и, в принципе, остается таким по сей день. Поэтому на Западе до сих пор востребована книга Кюстина, а имя Леруа-Болье помнят разве что специалисты. И дело вовсе не в достоинствах книг, а в политической конъюнктуре. Не случайно американский дипломат Джордж Кеннан, один из творцов внешнеполитической «доктрины сдерживания» и автор книги о работе маркиза де Кюстина заметил, что «Россия в 1839 году» была несправедлива, когда вышла в свет, но стала правдивой через сто лет [31, 73].

Да, Анатолий Леруа-Болье относился к России с безусловной симпатией, при этом вовсе не был ее апологетом и не идеализировал ее, отчетливо видя «пробелы» в ее развитии. Далеко не новаторскими были его выводы. Однако он, прежде всего, стремился Россию понять, хотя, как и многие, писавшие до него, сравнивал Россию с Европой, и, не находя общих моментов, говорил об ущербности русской истории, взирая на Россию через традиционную оптику превосходства. И это отразилось уже в названии книги — «Империя царей». Почему царей? Потому что французы так и не признали титул императора за Петром Великим, и поэтому все российские императоры для них — просто «цари». Как отмечал Ги Меттан, «несмотря на свою декларируемую прорусскую позицию, Анатолий Леруа-Болье активно эксплуатирует стереотипы, рожденные в ходе либеральных антирусских дискуссий XIX века» [35, 226], хотя, на мой взгляд, делает он это, скорее, по инерции и сложившейся историографической традиции.

В то же время, согласна с мнением Жоржа Нива, что «Империя царей и русские» — достойный подражания пример взвешенности и выверенности ученого труда [31, 70], для подхода которого характерна «прозрачная ясность» [31, 65]. И если в предыдущие десятилетия такие взвешенные книги, не имеющие налета сенсации и разоблачений, не были интересны французскому читателю, то в условиях наметившегося российско-французского сближения книга Леруа-Болье пришлась к месту и ко времени. Тогда начала формироваться не просто мода на Россию, а любовь, основанная на страхе перед Германией, когда французы, по образному выражению Ш. Корбе, франко-русский союз, этот брак по расчету, быстро превратили в союз по любви [29, 264]. Отсюда и такой интерес к этой книге. Именно поэтому ее читали, а вовсе не потому, что она содержала новый, доброжелательный и объективный взгляд на великую, огромную, но при этом вовсе не страшную Россию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в рамках работы была рассмотрена трансформация образа России в общественном мнении Франции на протяжении XIX столетия, начиная от 1830-х-1840-х гг., которые можно характеризовать как весьма сложный, однако мирный этап в развитии двусторонних отношений, продолжая событиями Крымской войны 1853-1856 гг. когда Российская империя и Французская империя во главе с Наполеоном III оказались в состоянии военного конфликта, и заканчивая событиями, связанными с наметившимся сближением между Россией и Францией после катастрофического поражения последней в войне с Пруссией и другими немецкими государствами. Такое рассмотрение отношений на разных этапах исторического развития позволило проследить трансформацию взгляда на Россию в общественном мнении Франции от двойственного восприятия николаевской России, когда французы смотрели на нее, с одной стороны, как на жандарма Европы, душителя свобод и экспансионистскую державу, с другой стороны – как на оплот легитимных принципов и традиций в Европе, более того, как на пример для подражания, до взгляда на Россию как открытого врага в годы Крымской войны, на которую приходится всплеск работ антирусской направленности, и до принятия России не только как союзницы, но и даже как спасительницы после событий франко-прусской войны. Анализ работ одних и тех же авторов, в частности, Луи-Антуана Леузон Ле Дюка, писавшего работы о России в 1840-1870-е гг., позволяет говорить об амбивалентном и противоречивом взгляде на Россию в произведениях одного автора, что позволяет сделать вывод о политической ангажированности авторов, выполнявших определенный политический заказ и писавших в угоду политической конъюнктуре.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что восприятие французами России зависело от двух факторов: как Франция сама себя ощущала, и каковы были ее ожидания от России. Соответственно, если сильная Франция испытывала к России по большей части презрение, к которому добавлялся страх, то Франция обескровленная изменила свой взгляд на Россию, стремясь найти в ней защиту от немецкой опасности. 1871 год нанес удар по негативному восприятию России, и начиная с этого времени русофобия, затронувшая самые широкие слои французского общества, не только уходит в прошлое, но заменяется чувством совершенно противоположным. Период после заключения франко-русского союза можно считать «золотым веком» в истории российско-французских отношений, который, к сожалению, закончился после Октябрьской революции 1917 г.

В 1967 г. французский исследователь Шарль Корбе делал вывод о том, что падение в России социалистического строя вернет Россию в семью «цивилизованных» народов. Советского Союза уже давно нет, однако отношение к России не изменилось, и современный взгляд на Россию не особо отличается от того, каким он был в XIX в.

Анализ современного медийного пространства Франции показывает, что в целом взгляд на современную Россию серьезно не изменился. Россия по-прежнему выполняет роль ключевого Другого для Франции. При этом современный французский взгляд на Россию также является политически ангажированным и не всегда объективным, и современные авторы зачастую воспроизводят те же самые клише и стереотипы, которые сформировались в общественном мнении французов уже в XIX столетии, когда был создан «демонизированный» образ России.

В современном мире отношение к Российской Федерации является весьма сложным и противоречивым. Это связано в том числе и с традиционным восприятием Запада России в контексте противопоставления Свой-Чужой, когда Россия зачастую воспринималась через «оптику превосходства», посредством бинарных оппозиций, когда все позитивное связывалось с западной цивилизацией, а весь негатив - с

Россией, как варварской, деспотичной страной, противостоящей и угрожающей западной цивилизации. Такой подход своими корнями уходит в XVI столетие, во времена путешествия С. Герберштейна, но мифы и стереотипы, сформированные тогда, перекочевали в последующие столетия и с успехом воспроизводятся вплоть до настоящего времени. И это наглядно демонстрируют современные французские средства массовой информации, а также научно-публицистическая литература.

Анализ современных французских СМИ позволяет сделать следующие выводы. Отношение французов к России является очень эмоциональным и очень двойственным: французы одновременно обожают и восхищаются Россией, но в то же время «любят ненавидеть ее». Но, замечу, точно так же французы относятся к англичанам, и это взаимно. «Любят ненавидеть». Однако отношение к России и русским иное, поскольку, в отличие от англичан, русские экзистенциально иные, другие, или даже чужие. Такое двойственное отношение к России было, по крайней мере, со времен Наполеоновских войн и франко-русского союза 1891-1893 гг. Что касается Наполеоновских войн, то после них в сердцах французов осталась незабываемая обида, а слово «Березина» стало словом-катастрофой. В случае с франко-русским союзом речь идет о совершенно иррациональной ностальгии. Эта амбивалентная политическая страсть была возвращена генералом Шарлем де Голлем, который проводил политическую линию на нормализацию и активизацию отношений с СССР, основанную, скорее, на национальных амбициях, а не на идеологии.

Россия во французских политических дебатах занимает гораздо большее место, нежели она играет во внешней политике Франции. Так было и в девятнадцатом столетии, то есть Россия, как и прежде, важна для Франции с точки зрения самоидентификации и всегда была значимым Другим. С 2015 г. Россия является важной темой политических дискуссий по внутренней политике Пятой республики. Во время внутривнутриполитической нестабильности тема «русской угрозы»⁴ или, наоборот, необходимости сближения с Россией, оказывается весьма актуальной.

Сторонники нормализации отношений с Российской Федерацией исходят из экономических интересов Франции в Европе. Опыт XIX в. показывает, что аналогичная ситуация сложилась после франко-прусской войны: когда Франция нуждалась в России, сразу возник к ней интерес и взгляд на нее изменился. В крупных проектах, связанных с развитием фармацевтической промышленности, товаров класса «люкс», энергетики или банковских учреждений, санкции, по мнению сторонников сближения с Россией, должны быть быстро демонтированы. По их мнению, санкции против России означают ослабление экономического потенциала Франции. К такой аргументации прибегают французские парламентарии, регулярно предлагающие свои резолюции Национальному собранию и Сенату.

Однако в политическом плане сторонники сближения с Россией неоднородны. Так, политик правого толка, Марин Ле Пен заявляет, что разделяет с современной Россией культ власти, вертикальный взгляд на власть, недоверие к исламу и увлечение личностью российского президента. Приверженцы авторитарной и националистической французской политической традиции полагают, что Владимир Путин – это крупнейший международный лидер.

Независимые левые во главе с Жан-Люком Меланшоном также говорят о привлекательности современной России как единственной европейской державы, которая противостоит США и НАТО и являющейся ориентиром для подражания. Как мы помним, такой взгляд был присущ и французским легитимистам в XIX в., только теперь уже речь идет о левой политической традиции.

⁴ опасения, вызываемые в Европе активной внешней политикой России, зачастую не имевшие под собой реальных оснований

Даже классические консервативные движения выступают за нормализацию отношений между Францией и Россией, указывая на политику России в Сирии по защите восточных христиан, покровительницей которых Франция себя тоже считала; на борьбу России с вооруженным исламизмом. Правда, если вспомнить события Крымской войны, то, как и на современном этапе, Россию за вмешательство в решение этих вопросов в основном только упрекали.

Для этих политических лидеров активизация и нормализация двусторонних отношений с Россией является своеобразным способом выступить против системы политкорректности, доминирующей во Франции. То есть «Франция должна позволить России быть Россией, и, более того, Франция должна черпать вдохновение у России...». Однако в этом кроется парадокс: националисты стремятся подражать стране, столь непохожей на Францию и с такими непохожими политическими традициями.

Однако среди французских политических элит есть и иной взгляд на Россию. Это взгляд атлантический, западный, сторонники которого призывают к твердой и жесткой линии поведения по отношению к России. Особенно мощно такие настроения распространены во французском МИДе, в прессе и среди интеллектуалов либеральной направленности. То есть если в конце девятнадцатого века интеллектуальная элита как раз выступала за союз с Россией, то сейчас наоборот – либеральные интеллектуалы – это антироссийская сила. По мнению этих сил, современная Россия является угрозой для безопасности в Европе. То есть в этом отношении ситуация очень похожа на 1830-1840-е гг. Тогда в глазах французских либералов николаевская Россия была воплощение деспотизма и антиевропейских ценностей.

Кроме того, как и прежде, русофобия является важным элементом внутривнутриполитической жизни Франции, выдавая французским политикам своеобразный патент на демократию. Например, социалисты, для того, чтобы не акцентировалось внимание на недостатках своей экономической программы, могут спекулировать на российской проблематике, транслируя свое негативное настроение по отношению к России. Это сразу обеспечивает приверженность правых сил электората. Однако есть и другая позиция: Россия не рассматривается как проблема внутривнутриполитического развития Франции. Что касается президента Эммануэля Макрона, то он, вероятно, по примеру президента де Голля, выступает за нормализацию отношений с Россией и осторожное сближение с ней. Для этих двух французских президентов очевидно сходство между Францией и Россией.

Итак, во франко-российских отношениях, наверное, необходимо уменьшить долю страсти и пытаться строить их на разумной, рациональной основе. Двусторонние отношения с Москвой – это, прежде всего, вопросы внутренней политики. Они ставят на карту национальные интересы, которые могут иногда сближаться, но часто могут расходиться. Ни франко-русский союз, ни принципиальная враждебность – вот позиция, которая подходит Франции и может сделать ее законодателем моды в отношении политики по отношению к России для Европы, которая так и не сформирована. То есть, ни конфронтации, ни тесного сближения, а некая нейтральная позиция, – такой подход предлагают наиболее объективные обозреватели.

Как видим, современное восприятие России в общественном мнении Франции практически не отличается от того, каким было это восприятие в XIX столетии. Штампы и стереотипы остались те же: варварство, стремление к экспансии, тирания как форма власти, неспособность к демократии, нечестная игра, манипуляции, – все это приписывалось России в XIX в., и все это присутствует в современной политической риторике. В то же время, анализ французских СМИ показывает, что журналисты объективно оценивают причины русофобии и верно объясняют ее популярность в общественном мнении Франции. Анализ СМИ показывает, что

негативный образ России является гораздо более востребованным, нежели позитивный.

БЛАГОДАРНОСТИ

Материал подготовлен в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. [Entre russophilie et russophobie, le cœur de la France balance Slate.fr](https://www.balancelate.fr/entre-russophilie-et-russophobie-le-coeur-de-la-france)
2. *Laron G.* Petite histoire de la russophobie // Le Monde diplomatique, mai 2020. URL; monde-diplomatique.fr Mai 2020, pages 8 et 9
3. *Richard H.* Quand la Russie rêvait d'Europe // Le Monde diplomatique, septembre 2018) (monde-diplomatique.fr)
4. *Clement K., Paillard D.* Reconstructions ou deconstruction? Dix éclairages sur la société russe // URL: > Novembre 2005, pages 18 et 195 traductions
5. *Ferro M.* Du Moyen Âge au postcommunisme. Introuvable Place De La Russie En Europe // URL: > Octobre 1993, Page 6.
6. Ce qui se cache derrière la «russophobie» // URL: www.marianne.net › medias Article abonné. Enquête sur les réseaux *français* de la GPA L'impossible «islam de France» // URL: France 5 et la Russie : de la russophobie en occident médiatique (2) | Ojim.fr
7. *Marmier X.* Lettres sur la Russie, la Finlande et la Pologne. P., 1843. T. 2.
8. *Corbet Ch.* A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799—1894). P., 1967.
9. *Léouzon Le Duc L.-A.* La Russie contemporaine. P., 1854.
10. *Léouzon Le Duc L.-A.* Études sur la Russie et le Nord de l'Europe. P., 1853.
11. *Léouzon Le Duc L.* Le sarcophage de Napoléon en son tombeau des Invalides. P., 1873.
12. *Léouzon Le Duc L.* Souvenirs et impressions de voyage dans les pays du Nord de l'Europe, Suède, Finlande, Danemark, Russie. 2 e édition. P., 1896.
13. *Leouzon Le Duc L.* Le Sottisier de Voltaire publié pour la première fois d'après une copie authentique avec une préface par L. Leouzon Le Duc. P., 1880.
14. *Ouvaroff S. S., Léouzon Leduc L.-A.* Esquisses politiques et littéraires par m. le comte Ouvaroff ministre de l'instruction publique en Russie avec un Essai biographique et critique par m. Léouzon Leduc. P., 1848.
15. *Léouzon Le Duc L.* La Russie et la civilisation européenne. P., 1854.
16. *Arlincourt Ch.-V.* L'Étoile polaire. T. 1. P., 1843.
17. *Léouzon Le Duc L.* La Question russe. P., 1853.
18. *Тургенев Н.* Россия и русские. Пер. с фр. и статья *С.В. Житомирской.* М., 2001.
19. *Léouzon Le Duc. L.-A.* Ivan. P., 1859.

20. *Léouzon Le Duc L.-A.* L'Odyssée galante d'une princesse russe. P., 1879.
21. *Léouzon Le Duc L.-A.* La Princesse Gourkoff, suite et fin de l' Odyssée galante d'une princesse russe. P., 1879.
22. *Robert E.* Lettres sur la Russie. P., 1840.
23. *Considérant N.* La Russie en 1856.Souvenirs de voyage. Bruxelles et Leipzig, Paris, T. 1. 1857.
24. *Considérant N.* La Russie en 1856.Souvenirs de voyage. Bruxelles et Leipzig, Paris, T. 2. 1857.
25. *Leroy-Beaulieu A.* L'Empire des tsars et les Russes. T. 1. P., 1881.
26. *Leroy-Beaulieu A.* L'Empire des tsars et les Russes. T. 2. P., 1890. Troisième édition.
27. *Leroy-Beaulieu A.* L'Empire des tsars et les Russes. T. 3. P., 1898. Troisième édition.
28. *Нива Ж.* Русофил. История жизни Жоржа Нива, рассказанная им самим. М.: Редакция Елены Шубиной, 2020. 288 с.
29. *Corbet Ch.* A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799-1894). P.: M. Didier, 1967. 489 p.
30. *Цыкова К. А.* Россия второй половины XIX - начала XX вв. в трудах Анатолия Леруа-Больё: дис. ... канд. ист. наук. М., МГУ, 2005.
31. *Нива Ж.* Возвращение в Европу. Статьи о русской литературе. Перевод с франц. Е.Э. Ляминой. М.: Высшая школа, 1999. 303 с. // URL: [Microsoft Word - 3BEAB680-1866-3800.doc \(free.fr\)](#)
32. *Партаненко Т.В.* Представления о России во Франции Конца XIX - начала XX вв. // *Studia Culturae.* 2002. № 2.
33. *Данилова О.С.* Анатолий Леруа-Больё: от русистики к “славянофильству” // Славянский альманах. 2007. М., 2008. С. 109-125.
34. *Погодин М.П.* Записки М. П. Погодина о политике России. 1853—1854 // Русская старина. 1874. Т. 10. Вып. 5.
35. *Меттан Г.* Запад — Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М: Паулсен, 2017. 468 с.